

На правах рукописи

Авилов Роман Сергеевич

**РУССКАЯ АРМИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1904 ГГ.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Автореферат

диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Владивосток

2023

Работа выполнена в ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН.

Официальные оппоненты:

Ведущая организация:

Защита диссертации состоится «___» _____ 20__ г. в ____ час. на заседании Диссертационного совета Д.24.1.068.01 на базе ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН по адресу: 690001, г. Владивосток, ул. Пушкинская, 89, зал заседаний.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН
<http://ihaefe.org/training/dissertation-council-ihaefe/futured>

Автореферат разослан «___» _____ 20__ г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук

Федирко О.П.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования обусловлена современной ситуацией в отечественной и мировой исторической науке, внешнеполитической обстановкой и продолжающимся процессом преобразования вооруженных сил Российской Федерации.

Недостаточная степень разработанности военной истории российского Дальнего Востока и истории русской армии в регионе в 1865–1904 гг. продолжает оставаться серьезной проблемой для исторической науки, поскольку делает невозможным объективную оценку роли армии и системы военного управления в освоении, развитии и защите региона. В литературе практически отсутствуют точные данные о причинах, целях, задачах и процессе формирования военной политики Российской империи на Дальнем Востоке, об обсуждении, разработке и реализации программ усиления войск; их численности, штатном, списочном и наличном составе. Проблема военного планирования для Дальневосточного ТВД последний раз специально исследовалась в 1910 г. и то только для периода 1895–1904 гг. Проблема обучения и боевой подготовки войск в регионе не изучалась вовсе, а единственное серьезное исследование подготовки русской армии к Русско-японской войне 1904–1905 гг. было проведено более ста лет назад¹. При этом в настоящее время тема доступна для исследования.

Рост политизации истории в мире и усилившаяся борьба за мировое господство ведут к тому, что исторические данные все чаще используются в политике. В трудах зарубежных авторов указывается, например, что во 2-й пол. XIX–начале XX в., «вопреки всеобщему впечатлению, Великобритания не была самым ненасытным империалистом в Китае» и на Дальнем Востоке, поскольку «эта честь принадлежит России»². Задачу им облегчает то, что значительная часть сведений о русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг., необходимых для опровержения этих концепций, не введена в научный оборот даже в России. Это придает исследованию русской армии в регионе в 1865–1904 гг. определенное политическое значение.

Трудность и противоречивость военных реформ в Российской Федерации в последние 20 лет свидетельствуют о сложности поиска оптимальных решений для развития вооруженных сил на современном этапе: их численности, состава и системы управления, необходимых для обеспечения безопасности государства и в Европе, и в Азии при ограниченных возможностях экономики. Ситуация заметно осложняется неуклонным нарастанием внешнеполитической и военной напряженности в мире. В этих условиях исторический опыт может дать представление о том, с какими проблемами военного строительства (в широком смысле этого слова) российские власти уже сталкивались на Дальнем Востоке в прошлом, как происходил сбор информации, необходимой для оценки ситуации, по каким направлениям велись дискуссии, как работал механизм принятия решений и их реализации. Важнейшими представляются вопросы взаимодействия

¹ Русско-японская война 1904–1905 гг. Работа военно-исторической комиссии по описанию русско-японской войны. СПб., 1910. Т. 1. 857 с.

² Paine S.C.M. The Sino-Japanese War of 1894–1895: Perceptions, Power and Primacy. New York, 2010. P. 308.

центральных и местных органов военного управления, разграничения на всех уровнях прав и полномочий военной администрации, военной и гражданской администраций и их взаимодействия в условиях форс-мажорных обстоятельств, а также приспособления типовых структур военного управления к специфическим условиям того или иного региона. Не менее ценным может оказаться и опыт обучения и боевой подготовки войск на Дальнем Востоке к ведению войны в условиях совершенно непривычной для европейца географической, климатической и цивилизационной реальности.

Таким образом, налицо необходимость возвращения на качественно новом уровне к исследованию истории русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг.

Степень изученности проблемы. История русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. затрагивается практически во всех работах, посвященных истории региона, внешней политики России во 2-й пол. XIX–начале XX в., российско-китайским территориальным проблемам, Китайскому походу 1900–1901 гг., Японо-китайской 1894–1895 гг. и Русско-японской 1904–1905 гг. войнам. Несмотря на наличие историографических работ³, литература по этим направлениям может стать темой отдельного исследования. При этом нет ни одной работы, в которой бы заявленная тема изучалась специально.

Для анализа литературы по этой теме вполне применима традиционная схема из трех периодов: дореволюционного 1860-е–1917 гг., советского 1918–1990 гг. и современного (российского) 1991–настоящее время.

В 1860-х–1917 гг. было опубликовано всего две военно-исторические работы, но полностью периода 1865–1904 г. они не охватывают. Книга подполковника А.Ф. Рагозы посвящена присоединению к России территории Приамурья и Уссурийского края и начальному этапу их военной истории (до конца 80-х гг. XIX в.)⁴, написана с привлечением документов архива штаба Приамурского военного округа, но ценна оценками самого автора, долго служившего в регионе. Первый том работы военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны 1904–1905 гг., подготовленный П.Н. Симанским⁵ охватывает предвоенную ситуацию на Дальнем Востоке с 1884 по 1904 г. и содержит главы по истории русских войск, военному планированию и подготовке к войне с Японией. Если А.Ф. Рагоза не был знаком с центральным делопроизводством, то П.Н. Симанский – с местным, документы которого не дошли до Петербурга. Поэтому в обоих случаях всестороннего взгляда на проблему достичь не удалось. Сильными трудами общего плана стали: «Столетие Военного министерства»,

³ См., напр.: Калужная Н.М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). Историография. М., 1973. 208 с.; Забровская Л.В. Историографические проблемы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток, 1993. 124 с.; Лучинин В. Русско-японская война 1904–1905 гг. Библиографический указатель книжной литературы на русском и иностранных языках. М., 1939. 144 с.; Изучение Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Кн. II. М., 2004. С. 344–411; Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. в отечественной историографии 1904–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 294 с.

⁴ Рагоза А.Ф. Краткий очерк занятия Амурского края и развития боевых сил Приамурского военного округа. Хабаровка, 1891. 153 с.

⁵ Русско-японская война 1904–1905 гг. ... Т. 1. 857 с.

«Исторический очерк деятельности военного управления в России» в 1855–1880 гг. и «Очерк деятельности Военного министерства» 1881–1890 гг.⁶; по истории региона – книги Г. Алябьева, Д.И. Шрейдера, П.Ф. Унтербергера⁷ и др.

Исследовались отдельные проблемы, связанные с оборонной политикой России в регионе. Публиковались труды по истории Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск⁸. Сборники документов предварялись вступительными статьями⁹. В 1909 г. Н.М. Тихменев исследовал Манзовскую войну 1868 г.¹⁰. В 90-е гг. XIX в. была заложена традиция изучения Японо-китайской войны 1894–1895 гг.¹¹. После подавления Боксерского восстания была разработана история Китайского похода 1900–1901 гг.¹². Историография Русско-японской войны 1904–1905 гг. обширна¹³, но авторы не углублялись в военную предысторию конфликта, ограничиваясь материалами П.Н. Симанского. Он же заложил и традицию изучения дипломатической предыстории войны¹⁴. В имперский период начали изучение региона в военно-топографическом отношении¹⁵ и истории городов¹⁶; были опубликованы ряд полковых историй¹⁷ и специализированных

⁶ Столетие Военного министерства 1802–1902. Ч. 1–13. СПб., 1902–1914; Исторический очерк деятельности военного управления в России в первое 25-летие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича 1855–1880 гг.: в 6 т. СПб., 1879–1881; Очерк деятельности Военного министерства за истекшее десятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Александровича. 1881–1890. СПб., 1892. 323 с.

⁷ Алябьев Г. Далекая Россия. Уссурийский край. СПб., 1872. 116 с.; Краткий очерк Приамурского края. По официальным данным. СПб., 1892. 64 с.; Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток (Три года в Уссурийском крае). СПб., 1897. 468 с.; Унтербергер П.Ф. Приморская область 1856–1898 гг. СПб., 1900. 324 с. и др.

⁸ Эпов Н.И. Забайкальское казачье войско. Нерчинск, 1889. 75 с.; Васильев А.П. Забайкальские казаки. Исторический очерк. Чита, 1918. Т. 3. 348 с.; Иванов Р.С. Краткая история Амурского казачьего войска. Благовещенск, 1912. 221 с.; Савицкий А.Ю. Краткий исторический очерк Уссурийского казачьего войска. Хабаровск, 1908. 20 с.

⁹ См., напр.: Материалы, относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. СПб., 1902. С. 1–60.

¹⁰ Тихменев Н.М. Манзовская война (Первое вооруженное столкновение русских с китайцами в Южно-Уссурийском крае в 1868 году) // Военный сборник. 1909. № 2. С. 23–40; № 3. С. 29–50; № 4. С. 19–32; № 5. С. 43–60; № 6. С. 53–70; № 7. С. 29–46; Манзовская война // Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165–167.

¹¹ Ржевуский И.В. Японско-китайская война 1894–1895 гг. СПб., 1896. 79 с.; Сборник материалов по военно-морским вопросам. Вып. 1. Японско-Китайская война. СПб., 1896. 442 с.; Симанский П.Н. Японско-Китайская война. 1894–1895: Пер. с нем. СПб., 1896. 284 с.; Кладо Н.Л. Военные действия на море во время Японо-китайской войны. СПб., 1896. 66 с.; Война между Китаем и Японией в 1894–95 гг. Пер. с фр. Новгород, 1896. 137 с. и др.

¹² Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. I. СПб., 1904. 433 с.; Военные действия в Китае. 1900–1901 гг. Ч. III. СПб., 1910. 300 с.; Кирхнер А.В. Осада Благовещенска и взятие Айгуна. Благовещенск, 1900. 206 с.; Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. СПб.–Порт-Артур, 1903. 617 с.; Военные события в Китае (1900–1901 гг.). Редактировано во 2-м бюро французского Генерального штаба. СПб., 1902. 179 с. и др.

¹³ Лучинин В. Русско-японская война 1904–1905 гг. ... 144 с.; Изучение Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия... С. 344–411; Фролов И.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. ... 294 с.

¹⁴ Симанский П.Н. События на Дальнем Востоке, предшествовавшие Русско-японской войне (1891–1903 гг.). Ч. I–III. СПб., 1910.

¹⁵ де-Ливрон В. Исторический очерк деятельности корпуса военных топографов в первое двадцатипятилетие благополучного царствования государя императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. СПб., 1880. 130 с.

¹⁶ Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока 1860–1910 гг. Владивосток, 1910. 192 с.; Калинин В.А. Исторический очерк города Никольска-Уссурийского. Никольск-Уссурийский, 1913. 86 с.; Бодиско А.М. Из жизни Хабаровска: Ист. справка о муницип. жизни города. Хабаровск, 1913. 285 с. и др.

¹⁷ Алферьев Н.П. Записная книжка 12-го Сибирского стрелкового ЕИВ Наследника Цесаревича полка. Брянск, б.г. 33 с.; Гантимуров М. Памятка стрелка 21 Восточно-Сибирского стрелкового Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полка. Благовещенск, 1907. 103 с.; Маковкин А.Е. 1-й Нерчинский полк Забайкальского казачьего войска. 1898–1906 гг. Исторический очерк. СПб., 1907. 212 с.; Мокринский. Памятка 4-го Восточно-Сибирского стрелкового полка (1890–1907 гг). Никольск-Уссурийский, 1907. 76 с.; Стрелковая памятка 12-го Сибирского Стрелкового Е.И.В. Наследника Цесаревича полка. Владивосток, 1911. 8 с.

учебников¹⁸.

В целом, в дореволюционный период хотя и был заложен фундамент научной традиции исследования ряда важнейших проблем истории Дальнего Востока, однако специальных работ по заявленной теме не публиковалось.

Ранняя советская историография не касалась этой проблемы по идеологическим и военно-политическим соображениям. Положительный опыт, накопленный русской армией на Дальнем Востоке, не укладывался в концепцию «прогнившего царизма», и основное внимание перенесли на изучение: Первой мировой 1914–1918 гг. и Гражданской 1918–1922 гг. войн. Начало с 1931 г. японского вторжения в Маньчжурию, угроза советской территории, события у оз. Хасан, а также общая нестабильная внешнеполитическая ситуация в Азии сделали тему военной истории региона закрытой, а публикацию стратегических данных – невозможной.

После окончания Второй мировой войны, ликвидации японской угрозы и смягчения политического режима, с конца 50-х гг. XX в. изучение истории Дальнего Востока России стало возрождаться¹⁹. Тенденцию закрепила хрущевская «оттепель». Стали изучаться общие проблемы открытия, освоения и развития этих территорий, внешнеполитическая сторона процесса присоединения Приамурья и Приморья – монография П.И. Кабанова²⁰ лежит в основе советской традиции исследования данной темы. Позднее выходят рассматривающие самый широкий круг проблем работы А.И. Алексеева²¹. Вклад в исследование региона внес занимавшийся исторической демографией В.М. Кабузан²². В сер. 80-х гг. направление военно-исторических исследований дореволюционного периода начало складываться в г. Новосибирск²³. В г. Владивосток, благодаря книге и статьям О.И. Сергеева, стала возрождаться история дальневосточного казачества²⁴. Результатом этих исследований стала публикация крупного обобщающего труда по истории российского Дальнего Востока²⁵.

¹⁸ Золотарев А.М. Записки военной статистики России. Курс старшего класса Николаевской академии Генерального штаба. В 2 т. 2-е изд. СПб., 1894; Учебник для солдата-охотника. Сост. Вл. Данилов и В. Ползиков. 2-е изд. испр. и доп. СПб., 1897. 54 с.

¹⁹ Историографию вопроса см.: Изучение истории Дальнего Востока России (период капитализма) // История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917 г.). М., 1990. С. 203–211.

²⁰ Кабанов П.И. Амурский вопрос. Благовещенск, 1959. 256 с.

²¹ Алексеев А.И. Сподвижники Г.И. Невельского. Южно-Сахалинск, 1967. 143 с.; Его же. Освоение русскими людьми Дальнего Востока и Русской Америки до конца XIX в. М., 1982. 287 с.; Его же. Геннадий Иванович Невельский (1813–1876). М., 1984. 192 с.; Его же. Как начинался Владивосток. Владивосток, 1985. 224 с. и др.

²² Кабузан В.М. Дальневосточный край в XVII в.–начале XX вв. (1640–1917). Историко-демографический очерк. М., 1985. 260 с.; Его же. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII–начало XX вв.). Хабаровск, 1973. 192 с.

²³ Баяндин В.И. Армейские части в Сибири в годы Первой русской революции: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 1987. 256 с.; Его же. Воинские призывы в городе и деревне в Сибири в период русско-японской войны // Город и деревня Сибири в досоветский период. Бахрушинские чтения (Новосибирск, 1 января–31 декабря 1984 г.): межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1984. С. 150–159; Его же. Государственное ополчение в Сибири в годы русско-японской войны и первой российской революции (1904–1906 гг.) // Революция и общественное движение в Сибири в конце XIX–начале XX в. Новосибирск, 1986. С. 96–106 и др.

²⁴ Сергеев О.И. Русское казачество и проблемы заселения, хозяйственного освоения и обороны дальневосточных рубежей России в XVII–XIX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1979. 254 с.; Его же. Социально-экономическое положение забайкальского и дальневосточного казачества на рубеже XIX–XX вв. // Крестьянство Дальнего Востока СССР. XIX–XX вв. Владивосток 1979. С. 105–123; Его же. Казачество на русском Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. М., 1983. 327 с. и др.

²⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917 г.). М., 1990. 471 с.

Активнее изучалась в советский период история международных отношений в регионе, традиция исследования которой благодаря книгам Б.А. Романова²⁶ в 1917 г. не была прервана. В работе Ф.А. Ротштейна²⁷ и «Истории дипломатии»²⁸ были четко обозначены узлы международных противоречий. Особенность второго тома «Истории дипломатии», и фундаментальной монографии А.Л. Нарочницкого²⁹, состоит в том, что они не содержат ошибочного утверждения, что в 80–90 гг. XIX в. единственным и наиболее вероятным потенциальным противником России на Дальневосточном ТВД был Китай, т.к. книги были опубликованы до событий 1969 г. на о. Даманский. В дальнейшем, в исследованиях этого направления войскам и военно-стратегической ситуации внимания уделялось все меньше, а оценки становились специфичнее³⁰.

В начале 50-х гг. XX в. возродилось изучение общих вопросов военной истории России 2-й пол. XIX–начала XX в. Подготовленные, во многом на основе многотомных дореволюционных изданий, монографии П.А. Зайончковского и Л.Г. Бескровного³¹. касаются военной истории российского Дальнего Востока лишь вскользь. Изучение истории Маньчжурской войны и Китайского похода 1900–1901 гг. (за исключением работы Н.М. Калюжной³²) в советское время так и не возобновилось, а единственная работа по Японо-китайской войне 1894–1895 гг.³³ стала шагом назад по сравнению с имперскими публикациями. Русско-японская война 1904–1905 гг., важная веха на пути к краху «царского режима» в советских идеологических построениях, изучалась в рамках как обобщающих, так и специализированных работ, последней из которых стало издание под редакцией И.И. Ростунова³⁴. При этом предыстория войны в них не выходит за рамки наработок П.Н. Симанского.

Таким образом, несмотря на внесенный вклад, авторы опубликованных в 1918–1990 гг. работ не имели возможности всерьез заниматься заявленной темой.

С распадом СССР проблема безопасности российского Дальнего Востока не исчезла,

²⁶ Романов Б.А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928. 606 с.; Его же. Очерки дипломатической истории Русско-японской войны. 1895–1907. М.–Л., 1947. 475 с.

²⁷ Ротштейн Ф.А. Международные отношения в конце XIX в. М.–Л., 1960. 705 с.

²⁸ История дипломатии. Т. II. М., 1963. 820 с.

²⁹ Нарочницкий А.Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке 1860–1895. М., 1956. 895 с.

³⁰ Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. (с конца XVI в. до 1917 г.). М.: Мысль, 1973.; Макарова Р.В. Внешняя политика России на Дальнем Востоке (вторая половина XVIII в.–70-е гг. XIX в.) М., 1982. 110 с.; История Северо-Восточного Китая. XVII–XX века. Т. 1. Владивосток, 1987. 424 с.; Гуревич Б.П. История «Илийского вопроса» и ее китайские фальсификаторы // Документы опровергают. Против фальсификации истории русско-китайских отношений. М., 1982. С. 427–459; Хидояттов Г.А. Британская экспансия в Средней Азии (Пенде, март 1885 г.). Ташкент, 1981. 212 с. и др.

³¹ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. ... 361 с.; Его же. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX–XX столетий: 1881–1903. М., 1973. 351 с.; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке. М., 1973. 615 с.; Его же. Русская армия и флот в начале XX века. М., 1986. 238 с.

³² Калюжная Н.М. Восстание Ихэтуаней (1898–1901 гг.). М., 1978. 363 с.

³³ Нозиков Н. Японо-китайская война 1894–1895 гг. М., 1939. 104 с.

³⁴ Строков А.А. История военного искусства. СПб., 1994. Т. 5. С. 34–152; Свечин А.А. Эволюция военного искусства. Т. 2. М.–Л.: Госиздат, 1928. С. 449–523; Добровольский С.К. Русско-японская война 1904–1905 гг. Исследование операций на отдаленном своеобразном театре военных действий. М., 1930. 114 с.; Левицкий Н.А. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1935. 383 с.; Сорокин А.И. Оборона Порт-Артура. Русско-японская война 1904–1905 гг. М., 1952. 272 с.; История Русско-японской войны 1904–1905 гг. / Под ред. И.И. Ростунова. М., 1977. 381 с. и др.

а необходимость изучения исторических корней современных противоречий возросла. В силу этого возрос и интерес к вопросам территориального размежевания России с Китаем, Кореей и Японией, военной истории Дальнего Востока, роли в ней казачества и т.п. Открытие библиотечных «спецхранов», рассекречивание архивных фондов и развитие международных связей дало возможность изучать эти проблемы, открыв тем самым новый, современный, период историографии.

Еще в 90-х гг. XX в. начали выходить обобщающие исследования по истории русской армии во 2-й пол. XIX–начале XX в.³⁵. Затем – работы по военной политике на Дальнем Востоке и роли армии и флота в геополитических интересах России³⁶. Появились новые работы по русско-китайским³⁷, русско-корейским³⁸ и русско-японским³⁹ отношениям, русско-британскому соперничеству⁴⁰, внешней политике России на Дальнем Востоке и международным отношениям в конце XIX–начале XX в.⁴¹. К концу 90-х гг. XX в. появилась новая коллективная обобщающая работа по истории русской внешней политики с XV в. по 1917 г.⁴², а в 2006–2018 гг. – и индивидуальные, по внешней политике Российской империи в XIX–начале XX в.⁴³.

В 90-е гг. XX в. возобновилось исследование Маньчжурской войны 1868 г.⁴⁴, Китайского похода 1900–1901 гг.⁴⁵ и борьбы с хунхузами⁴⁶. С появлением доступа к

³⁵ Ульянов Э.И., Леонов О. Регулярная пехота 1855–1918. М., 1998. 288 с. и др.

³⁶ Мартыненко Ю.А. Военная политика России на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 215 с.; Армия и флот в геополитических интересах России / отв. ред. И.С. Рыбаченок. М., 2019. 368 с. и др.

³⁷ Мясников В.С. Договорными статьями утвердили (дипломатическая история русско-китайской границы XVII–XX вв.). Хабаровск, 1997. 544 с.; Ткаченко Б.И. Восточная граница между Россией и Китаем в договорах и соглашениях XVII–XX веков. Владивосток, 1998. 160 с.; Его же. Россия–Китай: восточная граница в документах и фактах. Владивосток, 1999. 376 с.; Дацышен В.Г. Очерки Истории Российско-Китайской границы во второй половине XIX–начале XX веков. Кызыл, 2001. 144 с.; Его же. История российско-китайских отношений в конце XIX–начале XX веков. М., 2014. 593 с.; Попов И.М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны. М., 2004. 511 с.; Воскресенский А.Д. Дипломатическая история русско-китайского Санкт-Петербургского договора 1881 года. М., 1995. 441 с.; Границы Китая: история формирования. М., 2001. 469 с.; Моисеев В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в.–1917 г.). Барнаул, 2003. 346 с.; Тимофеев О.А. Российско-китайские отношения в Приамурье (сер. XIX–нач. XX вв.). Благовещенск, 2003. 302 с.; Петров А.И. История китайцев в России, 1856–1917 годы. СПб., 2003. 960 с. и др.

³⁸ Пак Б.Б. Российская дипломатия и Корея. Кн. 1. 1860–1888. М.–Иркутск–СПб., 2004. 244 с.; Кн. 2. 1888–1897. М., 2004. 272 с.; Ее же. Российский дипломат К.И. Вебер и Корея. М., 2013. 400 с.; Пак Б.Д. Россия и Корея. 2-е изд., доп. М., 2004. 250 с.; Пак Чон Хё. Россия и Корея. 1895–1898 гг. М., 1993. 181 с.; Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. М., 1997. 278 с. и др.

³⁹ Молодяков В.Э. Россия и Япония: поверх барьеров: неизвестные и забытые страницы российско-японских отношений (1899–1929). М., 2005. 369 с.; Его же. Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006. 447 с.; Моргун З.Ф. Японская мозаика Владивостока: 1860–1937. Владивосток, 2014. 310 с.; Саркисов К.О. Россия и Япония. Сто лет отношений (1817–1917). М., 2015. 704 с. и др.

⁴⁰ Сергеев Е.Ю. Политика Великобритании и Германии на Дальнем Востоке 1897–1903 гг. М., 1998. 230 с.; Его же. Большая игра, 1856–1907 гг.: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М., 2012. 454 с. и др.

⁴¹ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX–начале XX вв. СПб., 2008. 668 с.; Рыбаченок И.С. Закат великой державы. Внешняя политика России на рубеже XIX–XX вв.: цели, задачи, методы. М., 2012. 582 с. и др.

⁴² История внешней политики России. Вторая половина XIX века. М., 1997. 384 с.; История внешней политики России. Конец XIX–начало XX века. М., 1997. 672 с.

⁴³ Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. 668 с.; Его же. История внешней политики Российской империи. 1801–1914: в 4 т. М., 2017–2018.

⁴⁴ Кондратенко Р.В. Маньчжурская война. Дальний Восток. 1868 г. СПб., 2004. 143 с. и др.

⁴⁵ Дацышен В.Г. Русско-китайская война. Маньчжурия 1900 г.: Ч. 1. СПб., 1996. 144 с.; Его же. Русско-китайская война 1900 г.: Поход на Пекин. СПб., 1999. 157 с.; Его же. Боксерская война. Военная кампания русской армии и флота в Китае в 1900–1901 гг. Красноярск, 2001. 336 с.; Его же. Война в Приамурье // Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск, 2008. С. 160–280.

⁴⁶ Ершов Д.В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М., 2010. 254 с. и др.

иноязычной литературе и японским архивам, продвинулось исследование Русско-японской войны 1904–1905 гг.⁴⁷. Началось изучение истории разведки в странах Дальнего Востока⁴⁸, появились труды по истории русского военного востоковедения⁴⁹ и военно-топографическому исследованию региона⁵⁰.

Во Владивостоке появились работы по линейным батальонам⁵¹, активизировалось изучение казачества⁵². Тогда же начался бум региональных исследований военной истории Сибири. Ученые из г. Новосибирск продолжили изучение административно-территориального устройства империи⁵³, активизировали исследование роли Западной Сибири в войнах начала XX в.⁵⁴ и опубликовали монографии по Сибирскому военному округу⁵⁵. В г. Барнауле⁵⁶ и в г. Кемерово⁵⁷ сосредоточились на исследовании участия

⁴⁷ Русско-японская война 1904–1905 гг. Взгляд через столетие. Международный исторический сборник под ред. О.Р. Айрапетова. М., 2004. 656 с.; Золотарев В.А., Соколов Ю.Ф. Трагедия на Дальнем Востоке: Русско-японская война 1904–1905 гг. Книга I–II. М., 2004; Деревянко И.В. «Белые пятна» Русско-японской войны. М., 2005. 416 с.; Уткин А.И. Русско-японская война: в начале всех бед. М., 2005. 493 с.; Шацилло В.К. Русско-японская война. 1904–1905. М., 2004. 468 с.; Айрапетов О.Р. На пути к краху. Русско-японская война 1904–1905 гг.: военно-политическая история. М., 2015. 496 с.; Полотов А.В. Десантная операция японской армии и флота в феврале 1904 г. в Инчхоне. Владивосток, 2009. 472 с. и др.

⁴⁸ Алексеев М. Военная разведка России от Рюрика до Николая II. Кн. I–II. М., 1998; Павлов Д.Б. Русские военные инструкторы в Корее и Китае в конце XIX в. // Российская история. 2016. № 2. С. 139–161; Его же. Д.В. Путята и его военно-инструкторский проект в Корее и Китае // Труды института Российской истории РАН. 2019. № 15. С. 120–154; Его же. Русско-японская война 1904–1905 гг.: Секретные операции на суше и на море. М., 2004. 464 с.; Павлов Д., Павлова Н. Полковник И.И. Стрельбицкий – первый русский «военный агент» в Корее // Проблемы Дальнего Востока. 2012. № 5. 118–126; Сергеев Е.Ю. Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М., 2010. 219 с.; Добычина Е.В. Внешняя разведка России на Дальнем Востоке 1895–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2003. 213 с.; Жабицкий А.К. Деятельность разведывательных органов России в Северо-Восточном Китае: конец XIX–начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2012. 238 с.; Полотов А.В. Японская военно-морская разведка и ее деятельность против России накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011. 272 с. и др.

⁴⁹ Басханов М.К. История изучения восточных языков в русской императорской армии. СПб., 2018. 632 с.

⁵⁰ Захаренко И.А. История географического изучения и картографирования Дальневосточного пограничного пространства России и Китая: середина XVII–начало XX в.: дис. ... д-ра геогр. наук. М., 2009. 424 с.; Смагин Р.Ю. Военно-топографическая служба в Сибири в XIX–начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2015. 366 с.

⁵¹ Зуев В.Н. Линейные батальоны – фактор освоения Дальнего Востока России // Исторический опыт освоения восточных районов России. Владивосток, 1993. С. 38–40; Его же. Линейные батальоны – вид пехоты на Дальнем Востоке // Губернаторское управление в России: история, современность, будущее. Владивосток, 1997. С. 142–145.

⁵² Казачество Дальнего Востока России во второй половине XIX–XX вв.: сб. науч. ст. Хабаровск, 2006. 204 с.; Казачество Дальнего Востока России в XVII–XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 2–5. Хабаровск, 2009–2016. и др.

⁵³ Шиловский Д.М., Шиловский М.В. Административно-территориальное устройство и управленческий аппарат Азиатской России (конец XVI–XXI в.). Новосибирск, 2018. 347 с. и др.

⁵⁴ Фабрика Ю.А. Тяжела настоящая война для России, а для Сибири сугубо...: (к 100-летию русско-японской войны 1904–1905 гг.) // Новосибирский архивный вестник. 2004. № 14. С. 129–134; Баяндин В.И. Новобранцы Томской губернии в начале XX века // Новосибирская область в контексте российской истории. Новосибирск, 2001. С. 70–74; Его же. Российская армия в конце XIX–начале XX в.: доставка новобранцев по Сибири и Дальнему Востоку // Гуманитарные науки в Сибири. 2013. № 1. С. 24–29; Его же. Мобилизация сибиряков в армию в годы русско-японской войны // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 7–12; Его же. Военное управление в Сибири во второй половине XIX–начале XX вв. // Проблемы истории местного самоуправления Сибири XVII–XX веков. Новосибирск, 1997. С. 39–43 и др.

⁵⁵ Копылов В.А. Сибирский военный округ: Первые страницы истории (1865–1917) / В.А. Копылов, В.П. Милохин, Ю.А. Фабрика. Новосибирск, 1995. 266 с.; Фабрика Ю.А. Пример служения России. Сибирский военный округ в русско-японской войне 1904–1905 гг. Новосибирск, 2015. 464 с.

⁵⁶ Ростов Н.Д., Ширшов М.А. IV Сибирский армейский корпус в русско-японской войне 1904–1905 гг. Барнаул, 2019. 224 с.; Западная Сибирь в мировых войнах XX века: в 2 кн. Кн. 1. Барнаул, 2014. 241 с.; Ростов Н.Д. Земли алтайской верные сыны... Из истории доблести и чести воинской сибирских полков. Изд. 2-е доп. и перераб. Барнаул, 2005. 304 с.; Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Отдельные батальоны Сибирского военного округа в годы русско-японской войны 1904–1905 гг. // Воен.-ист. журнал. 2019. № 9. С. 53–60; Ростов Н.Д., Ширшов М.А. Призыв ратников Государственного ополчения в Сибирском военном округе в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Известия лаборатории древних технологий. 2018. № 2. С. 177–185; Ростов Н.Д., Горелов Ю.П. Особенности проведения мобилизаций на территории Сибири в войнах начала XX века // Ползуновский вестник. 2003. № 3–4. С. 96–104; Ростов Н.Д. Поверочные сборы нижних запасных чинов в Сибирском и Приамурском военных округах в 1896, 1897 и 1899 гг. // Гуманитарные

сибиряков, выходцев из Западной Сибири, в войнах начала XX в. В г. Иркутск была опубликована монография по истории Иркутского военного округа⁵⁸ и работы по воинским частям и соединениям Восточной Сибири в войнах 1-й четв. XX в.⁵⁹. В 2004 г. вышла монография по административному управлению на Дальнем Востоке А.В. Ремнева⁶⁰, изучившего гражданскую составляющую этой системы. Затем стали появляться работы по Дальневосточному Наместничеству⁶¹. Морская политика России на Дальнем Востоке изучалась С.А. Гладких, А.В. Чистым и Р.В. Кондратенко⁶².

В 2000-х годах произошел кратковременный всплеск исследовательского интереса и к истории Приамурского военного округа, выразившийся в публикациях Р.С. Авилова⁶³, В.М. Петренко⁶⁴, И.С. Рудакова⁶⁵ и защищенных ими диссертациях⁶⁶. В 2012 г. была опубликована единственная обзорная работа по истории военно-окружной системы в Российской империи⁶⁷. К 2001 г. в г. Владивосток сформировалось в качестве нового

проблемы военного дела. 2018. № 2 (15). С. 143–148; Ширшов М.А. Воинские формирования Сибирского военного округа в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 326 с. и др.

⁵⁷ Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века. Кемерово, 2003. 386 с.; Его же. Вклад сибиряков в защиту Отечества в войнах начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Кемерово, 2003. 502 с.

⁵⁸ Рашупкин Ю.М. Иркутский военный округ, 1884–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 1999. 305 с.; Его же. Иркутский военный округ во второй половине XIX–начале XX веков: формирование, специфика и деятельность. Иркутск, 2003. 207 с.

⁵⁹ Новиков П.А. Восточно-Сибирские воинские соединения в войнах 1-й четверти XX в.: дис. ... д-ра ист. наук. Иркутск, 2009. 584 с.; Его же. Восточно-Сибирские стрелки в Первой мировой войне: 2-й, 3-й и 7-й Сибирские армейские корпуса в 1914–1918 гг. Иркутск, 2008. 275 с.; Романов Г.И., Новиков П.А. Иркутское казачество (2-я половина XVIII–начало XX вв.). Иркутск, 2009. 352 с.; Кунжаров Е.М. Подготовка офицерских кадров в Восточно-Сибирском генерал-губернаторстве в XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2008. 220 с.; Голято В.Н. Забайкальское казачье войско в военной политике России в середине XIX–начале XX в.: дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2007. 251 с.; Кузнецов М.Ю. Местные войска в Восточной Сибири (1864–1918 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Иркутск, 2020. 339 с. и др.

⁶⁰ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX–начала XX веков. Омск, 2004. 552 с.

⁶¹ Милежик А.В. Дальневосточное Наместничество (1903–1905 гг.): структура, компетенция, эффективность управления: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2007. 212 с.; Казанцев В.П. Гражданское управление арендованных территорий: полоса отчуждения КВЖД, Квантунская область (середина 90-х гг. XIX в.–февраль 1917 г.): дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2015. 601 с. и др.

⁶² Гладких С.А. Русский военно-морской флот на Дальнем Востоке, 1895–1904 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999. 234 с.; Чистый А.В. Морская политика Российской империи на Дальнем Востоке во второй половине XIX в.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 200 с.; Кондратенко Р.В. Морская политика России 80-х годов XIX в. СПб., 2006. 344 с.

⁶³ См.: раздел «Основные публикации по теме диссертации».

⁶⁴ Петренко В.М. Развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX века // Воен.-ист. журнал. 2007. № 7. С. 3–9; Его же. Развитие русских сухопутных сил на Дальнем Востоке (конец 40-х–середина 80-х годов XIX века) // Воен.-ист. журнал. 2009. № 5. С. 10–15; Его же. Русские сухопутные силы на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903 гг.) // Воен.-ист. журнал. 2010. № 2. С. 3–9; Его же. Изменения в организации и составе русских сухопутных сил на Дальнем Востоке на рубеже XIX–XX столетий (1884–1903) // Военное дело в Азиатско-Тихоокеанском регионе с древнейших времен до начала XX века. Владивосток, 2010. С. 308–319; Краснознаменный Дальневосточный. Военно-исторический очерк о Дальневосточном военном округе. 4-е изд. испр. и доп. Хабаровск, 2003. С. 11–71.

⁶⁵ Рудаков И.С. Начало формирования воинских подразделений в областях Дальнего Востока России во второй половине XIX в. // Известия АлтГУ. 2007. № 4. С. 151–155; Его же. Создание структур управления и военной организации Дальнего Востока России // Власть и управление на Востоке России. 2007. № 4 (41). С. 141–149; Его же. Амурская речная флотилия // Россия и АТР. 2008. № 3. С. 5–13.

⁶⁶ Петренко В.М. Становление и развитие системы территориальных органов военного управления на Дальнем Востоке во второй половине XIX–начале XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009. 216 с.; Рудаков И.С. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884–1917 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010. 200 с.; Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке (1865–1895 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2013. 243 с.

⁶⁷ История военно-окружной системы в России. 1862–1918. М., 2012. 463 с.

направления исследование истории Владивостокской крепости⁶⁸.

Облегчение доступа к архивам и эмигрантским собраниям привели к росту числа исследований биографий столичных⁶⁹ и дальневосточных военных администраторов⁷⁰. Появились справочные издания по морским офицерам, офицерскому составу казачьих войск, командному и военно-административному составу войск Амурской области, исследователям и русским военным востоковедам до 1917 г.⁷¹. Практически параллельно шел процесс развития краеведения и популяризации региональной истории, публикация работ по истории городов⁷².

Таким образом, хотя современные российские ученые и вернулись к изучению истории русской армии во 2-й пол. XIX–начале XX в., но для Дальнего Востока комплексных исследований не проводилось.

Теперь остановимся на кратком анализе зарубежных историографических тенденций в изучении проблем, связанных с историей русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг.: обострении русско-английских противоречий, сопровождавшихся занятием британским ВМФ «Порта Гамильтон» в 1885–1887 гг., Кульджинском кризисе в русско-китайских отношениях и истории Японо-китайской войны 1894–1895 гг.

Оценка действий Великобритании на Дальнем Востоке в связи с Мервским кризисом изменилась за более чем 100 лет изучения до противоположной. Так Р.С. Гандри⁷³ и другие современники воспринимали их как попытку противодействия возможной оккупации этих островов или порта в Корее русским флотом. В 1930-е гг. Е.В.Г. Кирнан осторожно охарактеризовал сложившуюся политическую ситуацию, как неоднозначную и

⁶⁸ Крепость Владивосток. СПб., 2001. 264 с.; Владивостокская Крепость. Владивосток, 2006. 336 с. История Владивостокской крепости будет затрагиваться в диссертационном исследовании лишь в той мере, в какой это необходимо для анализа изучаемых процессов.

⁶⁹ Осипова М.Н. Великий русский реформатор фельдмаршал Д.А. Милютин. М., 2005. 320 с.; Айрапетов О.Р. Генерал-Адъютант Николай Николаевич Обручев (1830–1904). Портрет на фоне эпохи. М., 2017. 496 с.; Белозерова О.А. Государственная и военная деятельность А.Н. Куропаткина накануне и в период Русско-японской войны 1903–1905 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2015. 354 с.; Генерал Куропаткин – государственный и военный деятель Российской империи. К 170-летию со дня рождения: Коллективная монография. СПб., 2018. 370 с. и др.

⁷⁰ Александровская Л.В. Иван Васильевич Фуругельм: двадцать лет на Восточном океане. Владивосток, 2007. 334 с.; Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков: Историко-биографический очерк. Хабаровск, 2001. 352 с.; Ее же. Приамурский генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер. Хабаровск, 2008. 400 с. и др.

⁷¹ Морской биографический справочник Дальнего Востока и Русской Америки: XVII–начало XX вв. / Сост. Б.Н. Болгурцев. Владивосток, 1998. 232 с.; Верой и правдой служа Отечеству. Офицеры Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск. 1851–1920-е. Благовещенск, 2018. 768 с.; Господа офицеры... Командный и военно-административный состав регулярных и казачьих войск Амурской области. 1854–1922. Биографический справочник. Благовещенск, 2016. 480 с.; Хисамутдинов А.А. Три столетия изучения Дальнего Востока. Вып. 1 (1639–1939). Владивосток, 2007. 667 с.; Басханов М.К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: Биобиблиографический словарь. М., 2005. 295 с.

⁷² Шиндялов Н.А. История Благовещенска 1856–1907. Очерки, документы, материалы. Благовещенск, 2006. 168 с.; Рудковский Н.П. Приамурье: люди, судьбы, память. Исторические очерки. Благовещенск, 2006. 160 с.; Амурские казаки. Приамурье из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания. В 2 т. Благовещенск, 2008; Военные события в Приамурье 1900–1902. Благовещенск, 2008. 311 с.; История Благовещенска. 1856–1917 гг. в 2-х т. Благовещенск, 2009; Старый Владивосток. Альбом. Владивосток, 1992. 211 с.; Стратиевский О.Б. Русский остров (страницы истории). Владивосток, 2013. 488 с.; Хисамутдинов А.А. Terra incognita или хроника русских путешествий по Приморью и Дальнему Востоку. Владивосток, 1989. 352.; Его же. Владивосток. Этюды к истории старого города. Владивосток, 1992. 328 с.; Его же. Из Владивостокской старины. Владивосток, 2001. 218 с.; Коляда А.С., Кузнецов А.М. Никольск-Уссурийский: штрихи к портрету. Уссурийск, 1997. 224 с.; Наволочкин Н.Д. Главное дело капитана Дьяченко. Хабаровск, 2007. 64 с.; Лысунец В.А., Фокин А.М. Дальневосточные версты капитана Дьяченко. В фактах, событиях и документах. Хабаровск, 2014. 200 с. и др.

⁷³ Gundry R.S. China and her neighbours. London, 1893. P. 268–294.

вызывавшую серьезные опасения лондонского кабинета⁷⁴, а А.В. Гамильтон в 80-х гг. XX в. оценивал занятие «Порта Гамильтон» уже исключительно как русофобскую меру, направленную на подготовку высадки десанта во Владивостоке или зал. Посыла на случай возможного выхода русских войск через территории Средней Азии к границам Британской Индии⁷⁵.

Историю Кульджинского кризиса, с проблемами на Дальнем Востоке связывали лишь некоторые современники и редкие исследователи, например Е.В.Г. Кирнан и Э.Г. Билоф⁷⁶. Зарубежная историография Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и последовавших за ней дипломатических переговоров исследовалась Л.В. Забровской⁷⁷. Принципиально важно, что мобилизация войск Приамурского военного округа в 1895 г. и ее влияние на Симоносекские мирные переговоры иностранными авторами никогда не исследовалась. Даже в последней обобщающей работе С. Пэйн⁷⁸, и книге Д. Схиммельпенника Ван дер Ойе⁷⁹ об этой мобилизации упоминается лишь вскользь.

Зарубежная историография внешней политики России на Дальнем Востоке накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. исследована И.В. Лукояновым⁸⁰. Что касается самой войны, то до лета 1914 г. иностранных военных историков интересовало прежде всего обобщение опыта ведения боевых действий с целью его возможного использования в надвигавшемся европейском конфликте. Следствием было доминирование в историографии обзоров боевых действий⁸¹. Анализом подготовки России к войне на Дальневосточном ТВД никто специально не занимался⁸². После Первой мировой войны

⁷⁴ Kiernan E.V.G. *British Diplomacy in China: 1880–1885*. Cambridge, 1939. P. 188–207.

⁷⁵ Hamilton A.W. *The Kōmundo Affair* // *Korea Journal*. 1982. No. 6. P. 20–33; Hamilton A.W. *British interest in Korea, 1866–1884* // *Korea Journal*. 1982. No. 1. P. 24–41.

⁷⁶ Brandt M. von. *Dreißig Jahre in Ost-Asien. Erinnerungen eines deutschen Diplomaten*. Band I–III. Leipzig, 1901; Kiernan E.V.G. *British Diplomacy in China: 1880–1885...* P. 38–72; Bilof E.G. *China in Imperial Russian Military Planning, 1881–1887* // *Military Affairs*. 1982. Vol. 46. No. 2. P. 69–75.

⁷⁷ Забровская Л.В. *Историографические проблемы Японо-китайской войны 1894–1895 гг. Владивосток*, 1993. 124 с.

⁷⁸ Paine S.C.M. *The Sino-Japanese War of 1894–1895...* 412 p.

⁷⁹ Схиммельпенник Ван дер Ойе Д. *Навстречу восходящему солнцу: Как имперское мифотворчество привело Россию к войне с Японией*. М., 2009. 421 с.

⁸⁰ Лукоянов И.В. «Не отстать от держав...» ... С. 40–67, 223–228, 343–344, 413–414, 573–576.

⁸¹ В *Германии*: Immanuel F. *Der russisch-japanische Krieg*. In *militärischer und politischer Beziehung dargestellt*. H. 1–6. Berlin, 1904–1906; Aubert F. *Der russisch-japanische Krieg*. Bd. 1–2. Berlin, 1905–1906; von Kalinowski W.E. *Der Krieg zwischen Russland und Japan. Auf Grund Zuverlässiger Quellen bearb. von W.E. von Kalinowsky*. H. 1–6. Berlin, 1904–1905; von Lignitz F. *Der japanisch-russische Krieg. Mit kriegsgeschichtlichen Vergleichen und Betrachtungen über den Krieg*. Bd. 1–4. Berlin, 1908–1911; Reventlow E. *Der russisch-japanische Krieg. Nebst einer Beschreibung von Japan, Korea, Russisch-Asien und einer Geschichte dieser Länder von Dr. H. Döring*. Bd. 1–3. Berlin–Schöneberg, 1905–1906; *Kriegsgeschichtliche Einzelschriften*. H. 11, 37–49. Berlin, 1906–1913; etc. В *Австро-Венгрии*: *Einzelschriften über den russisch-japanischen Krieg*. Bd. 1–8. Wien, 1906–1913; von Bulow H. *Das russisch-japanische Konflikt*. Wien, 1904. 96 s.; Meister J. *Der russisch-japanische Krieg. Ein Studienbehelf*. 2 Aufl. Wien, 1911. 410 s.; etc. В *Великобритании*: *The official history of the Russo-Japanese War*. Prepared by the Historical Section of the Committee of Imperial Defence. Part. 1–5. London, 1904; *Official history (naval and military) of the Russo-Japanese War*. Vol. 1–3. London, 1910–1920; *Cassell's History. History of Russo-Japanese War*. Vol. 1–3. London, 1904–1905; Grew E. Sharpe. *War in the Far East. A history of the Russo-Japanese struggle*. Vol. 1–4. London, 1911–1913; etc. В *Франции*: A.N. *La guerre russo-japonaise. Par le comm. A.N.* Vol. 1–3. Paris, 1907–1908; Galli. *La guerre en Extrême-Orient. Russes et japonais*. Vol. 1–2. Paris, 1904–1905; Bujac E. *La guerre russo-japonaise*. Paris, 1907. 496 p.; Donnet G. *Histoire de la guerre russo-japonaise*. Vol. 1–2. Paris, 1904–1905; Meunier R. *La guerre russo-japonaise. Historiques enseignement*. Paris–Nancy, 1906. 686 p.; de Saligny. *Essai sur la guerre russo-japonaise*. Paris, 1913. 480 p.; etc. В *США*: *Reports of military observers attached to the armies in Manchuria during the Russo-Japanese War*. Part. 1–5. Washington, 1906–1907; Unger F.W. *Russia and Japan. A complete history of the war in the Far East*. Washington, 1905, etc.

⁸² Аналогичные тенденции, за редким исключением, наблюдались после Гражданской войны 1918–1922 гг. и в русской эмигрантской историографии. См., напр.: Керсновский А.А. *История русской армии*. Т. 3. М., 1994. С. 53–116.

1914–1918 гг. исследователи переключились на обобщение опыта уже этой войны. Несмотря на возобновление интереса к теме после Второй мировой войны 1939–1945 гг., даже последние исследования по истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. лишь в минимальной степени затрагивают процесс подготовки к ней России в военном отношении⁸³. Исследований по истории русской армии в 1861–1914 гг. тоже немного, и лучшей обобщающей работой остается книга Б.В. Меннинга⁸⁴. Исследований собственно истории русской армии на Дальнем Востоке во 2-й пол. XIX–начале XX в. в зарубежной историографии обнаружить не удалось. Таким образом, зарубежные авторы, уделив внимание русской армии во 2-й пол. XIX–начале XX в. в целом и ключевым проблемам истории международных отношений, влиявшим на военную политику России в регионе, специально изучением исследуемых в диссертации проблем не занимались.

В целом, анализ историографии показывает, что вопросы военной истории российского Дальнего Востока в 1865–1904 гг. не являются предметом постоянного внимания историков, а специальные монографии по данной теме отсутствуют.

Цель данного исследования – изучить русскую армию на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. в контексте внутривнутриполитических процессов, внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе.

Для ее достижения были поставлены следующие **задачи**:

- выявить специфику развития и функционирования военного управления, как важнейшего и системообразующего элемента имперского управления на российском Дальнем Востоке;
- определить характер процесса усиления русских войск, формирования военных запасов и создания военной инфраструктуры в регионе;
- раскрыть особенности обучения и боевой подготовки войск к ведению войны на Дальневосточном ТВД, т.е. в условиях географической, климатической и цивилизационной реальности отличной от стандартов Европейской России;
- определить методы оценки потенциальных угроз в регионе командованием округов и центральным аппаратом Военного министерства, с последующей характеристикой этих оценок и результатов их практического использования;
- установить условия, причины, цели и результаты военного планирования проводимого как на центральном, так и на региональном уровне для Дальневосточного ТВД, а также дать характеристику подготовленным военным планам.

Объект исследования – русская армия на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи.

Предмет исследования – процесс усиления, под влиянием внешнеполитических кризисов и в рамках корректировки военной политики Российской империи, русской

⁸³ The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. Ed. by J.W. Steinberg, B.W. Menning, D. Schimmelpennick van der Oye, D. Wolf, Shinji Yokote. Leiden–Boston, 2005. 671 p.; The Russo-Japanese War in global perspective. World War Zero. Vol. II. Leiden–Boston, 2007. 583 p.

⁸⁴ Menning B.W. Bayonets before bullets. The Imperial Russian Army, 1861–1914. Bloomington, 1992. 334 p.; see also: Keep J.L.N. Soldiers of the Tsar: Army and Society in Russia, 1462–1874. Oxford, 1985. 432 p., etc.

армии на Дальнем Востоке, включающий в себя рост численности войск, их обучение, боевую подготовку, совершенствование системы военного управления и военное планирование.

Хронологические рамки охватывают период с 1865 по январь 1904 г. Нижняя граница определяется годом создания в рамках общероссийской военной реформы Восточного Сибирского военного округа и преобразования войск, что почти совпало с окончанием «муравьевского века» на Амуре (1861 г.) и продажей Аляски (1867 г.), существенно изменившей политический расклад на Тихом океане. Верхней границей принят январь 1904 г. – начало Русско-японской войны 1904–1905 гг., кардинально изменившей расклад сил в регионе, оценку российским руководством военного потенциала вероятных противников и собственных возможностей по обеспечению безопасности дальневосточных территорий империи.

Территориальные рамки работы охватывают пространство российского Дальнего Востока в дореволюционном понимании этого термина, т.е. территорию Приамурского генерал-губернаторства/военного округа в границах 1884–1906 гг.⁸⁵ (это территория современного Дальневосточного федерального округа без Якутии⁸⁶), а также Квантунского полуострова и Маньчжурии для периода 1898–1904 гг.

Методологическая основа исследования характеризуется комплексностью подходов, т.к. диссертационное исследование выполнено фактически на стыке трех традиционных направлений исследований: отечественной истории, военной истории и истории внешней политики, что предполагает синтез выводов, полученных по каждому из этих направлений, и использование теоретических наработок отечественных и зарубежных ученых.

Изучение истории войск и, отчасти, военного управления, во многом велось в рамках традиции военно-исторических исследований, сложившейся еще в Российской империи⁸⁷. Сформированная эмпирически, она к 1890-м гг. вышла на уровень методологического осмысления. Отмечалось, что общественные науки, в числе которых и военная история, в отличие от наук математических и естественных, «они науки выводов, а не предсказаний» и тезис О. Конта «Знать для того, чтобы предсказывать», «к ним применим лишь в крайне условной степени»⁸⁸. Начальник Николаевской академии Генерального штаба Г.А. Леер указывал на важность выявления исторического факта, путь индуктивной обработки которого «заключается в воспроизведении *полной обстановки* каждого частного случая; оттого – и возможность уловить действие *всех причин*, проявившихся в данном факте, вплоть до неуловимых для теории всякого рода мелких *трений*»⁸⁹. Он же обращал внимание на важность в исследовании установления причин, обусловивших те или иные

⁸⁵ Общая площадь территории составляет 53.808,23 кв. миль (139.299,413 км²). Приамурский военный округ // Энциклопедия военных и морских наук. СПб., 1893. Т. 6. С. 168.

⁸⁶ Современные: Республика Бурятия, Забайкальский, Приморский, Хабаровский и Камчатский края, Амурская, Сахалинская, Магаданская и Еврейская автономная области и Чукотский автономный округ.

⁸⁷ Наиболее полное практическое воплощение она нашла в фундаментальных исследованиях: Столетие Военного министерства 1802–1902...; Исторический очерк деятельности военного управления в России в ... 1855–1880 гг. ...; Русско-японская война 1904–1905 гг. ... Т. 1–9.

⁸⁸ Леер Г.А. Метод военных наук (Стратегии, тактики и военной истории). СПб., 1894. С. 64–65.

⁸⁹ Там же. С. 70.

решения, принятые людьми, творившими историю⁹⁰. Доработанные, эти принципы нашли практическое воплощение в трудах уже советских историков П.А. Зайончковского и Л.Г. Бескровного⁹¹.

Это привело к пониманию военной истории в современной отечественной историографии не только как «процесса развития военного дела с древнейших времен до современности», но, прежде всего, как «дисциплины классической исторической науки, изучающей такие практики существования человеческого общества, как ведение войн, строительство и развитие вооруженных сил»⁹². Последние в Российской империи определялись практически также, как и в настоящее время, а именно, как «совокупность всех сухопутных и морских войсковых контингентов, которые государство может иметь в своем распоряжении как для ведения внешней войны, так и для поддержания порядка в стране»⁹³. В фокусе данной работы находится история на Дальнем Востоке русской армии, как важнейшей составляющей вооруженных сил Российской империи и ее роли в военной политике, определяемой как «совокупность действий и мер органов власти, институтов и структур государства по предотвращению войны, военно-политических кризисов и вооруженных конфликтов, сдерживанию агрессии, отражению вооруженных нападений и разгрому агрессора, организации военного строительства и подготовки вооруженных сил, населения и экономики страны к защите ее национальных интересов»⁹⁴. На современном этапе в изучении армии находит применение и институциональный подход, рассматривающий армию как особый государственный и социальный институт, задействованный в реализации не только военной, но также внешней и, отчасти, внутренней политики государства.

Специфика региона обусловила необходимость применения для исследования системы военно-административного управления разработанного А.В. Ремневым управленческо-регионального подхода. Введенное им понятие имперской «географии власти», предполагает особый подход к исследованию государственных институтов на периферии России, поскольку «империя вынуждена больше, чем внутренним губерниям, своему государственному и национальному ядру, уделять внимание окраинам, где она соприкасается с другими империями, где она имеет возможности для своего расширения и откуда ей грозит опасность»⁹⁵. В связи с чем внимание должно быть направлено не только на анализ развития властных институтов, но и на влиявшие на это причины, в т.ч. внешнеполитические и военно-стратегические⁹⁶. Подход и методы его применения пришлось адаптировать для военно-исторического исследования, т.к. изначально они разрабатывались и использовались для исследования гражданских органов (или

⁹⁰ Там же. С. 67–68.

⁹¹ Зайончковский П.А. Военные реформы 1860–1870 гг. ...; Его же. Самодержавие и русская армия...; Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX веке...

⁹² Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. М., 2014. С. 49.

⁹³ Вооруженные силы // Военная энциклопедия. Т. 7. СПб., 1911. С. 38.

⁹⁴ Военная политика // Военный энциклопедический словарь МО РФ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/dictionary/details.htm?id=14609@morfDictionary> (Дата обращения 06.12.2021).

⁹⁵ Ремнев А.В. Россия Дальнего Востока... С. 10.

⁹⁶ Там же. С. 13–20.

гражданских функций органов) государственного управления на территории Восточной Сибири и Дальнего Востока. Однако там, в большинстве случаев, системы гражданского и военного управления сливались между собой. Несмотря на фундаментальность исследования, сам А.В. Ремнев, *de facto* исследовал лишь гражданскую составляющую системы управления российским Дальним Востоком, почти полностью исключив составляющую военную⁹⁷.

Для комплексного анализа проблем внешней политики на Дальнем Востоке и в Средней Азии применялась концепция «Большой Игры», понимаемая как процесс противоборства и взаимодействия Британской и Российской империй на просторах Центральной и Восточной Азии во 2-й пол. XIX–начале XX в.⁹⁸. Разработанная сначала зарубежными⁹⁹, а затем российскими учеными, эта теория изучает Дальний Восток как периферийную часть единого пространства «Большой игры», растянувшегося от Черного моря до Тихого океана¹⁰⁰. Это позволяет фиксировать влияние процессов, происходивших за пределами Дальнего Востока, на изменение внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе.

В последние годы в отечественной историографии наметился и отход от «традиции написания истории внешней политики государства как преимущественно истории его дипломатического ведомства», в сторону осознания того, что «область реальной политики, рождавшейся на грани усилий дипломатов и военных, учета финансовых возможностей, потенциала нашей страны, ее союзников и противников» куда менее изучена¹⁰¹. Как указывал О.Р. Айрапетов, в России XIX–нач. XX в. «в процессе принятия решений по внешнеполитическим вопросам были задействованы самые различные ведомства и силы, следовательно, при изучении истории внешней политики империи необходимо учитывать и их. Немаловажное значение имеют фон и контекст того или иного внешнеполитического действия страны – военная, военно-морская, финансовая и внутривнутриполитическая составляющие, причем речь идет не только о собственно русском потенциале, но и о возможностях партнеров и противников России в каждом конкретном случае»¹⁰².

Использование системного подхода дало возможность проанализировать взаимосвязь процессов в русской армии на Дальнем Востоке, с общим ходом военных реформ, событиями в регионе и международной обстановкой; позволило выявить предпосылки, причины, условия и последствия проведенных в регионе военных мероприятий.

Цели и задачи исследования предопределили использование методов общенаучных (дедукция, индукция, анализ и синтез) и специальных исторических (сравнительно-исторический, историко-генетический и типологический), при соблюдении

⁹⁷ Там же. С. 1–552.

⁹⁸ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг. ... С. 4–23.

⁹⁹ Edwards M. *Playing the Great Game: A Victorian Cold War*. London, 1975. 167 p.; Gillard D. *The struggle for Asia, 1828–1914. A study in British and Russian Imperialism*. London, 1977. 214 p.; Morgan G. *Anglo-Russian Rivalry in Central Asia: 1810–1895*. London, 1981. 264 p.; Hopkirk P. *The Great Game: On Secret Service in High Asia*. Oxford, 1991. 562 p., etc.

¹⁰⁰ Сергеев Е.Ю. Большая игра, 1856–1907 гг. ... С. 4–23.

¹⁰¹ Айрапетов О.Р. История внешней политики Российской империи. 1801–1914... Т. 1... С. 8.

¹⁰² Там же. С. 10.

основополагающих принципов объективности и историзма. Сравнительно-исторический метод использовался при рассмотрении процесса разработки, обсуждения и реализации программ усиления русских войск, анализе военного планирования и общих принципов, лежащих в основе концепции обороны региона, а также исследовании военно-окружной системы на российском Дальнем Востоке, в сравнении с аналогичными процессами в других регионах. Для изучения процесса развития группировки русских войск на Дальнем Востоке и рассмотрения комплекса реализуемых по повышению обороноспособности региона мероприятий, применялся историко-генетический метод. Логическое сопоставление данных при критическом анализе источников и литературы, позволило достаточно полно воссоздать картину военной истории региона. Типологический метод использовался для исследования особенных, «дальневосточных» военно-административных решений, органов управления, военных частей и соединений, имевших ряд существенных отличий или вообще являвшихся уникальными.

Источниковая база исследования – это комплекс неопубликованных и опубликованных источников разных типов: письменные (материалы законодательства, документы центрального и местного делопроизводства, периодическая печать, источники личного происхождения) и изобразительные (карты).

Неопубликованные источники представлены документами из фондов трех федеральных архивов: Российского государственно военно-исторического архива (РГВИА), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) и Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ); регионального архива – Государственный архив Хабаровского края (ГАХК); Отдела рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). В общей сложности было обследовано 53 архивных фонда. В работе также использовалась коллекция документов и материалов А.П. Будберга из Дома русского зарубежья им. А. Солженицына (г. Москва) и документы семейного архива Э.Г. Унтербергер (г. Гмунден, Австрия).

Чтобы максимально точно восстановить механизм выработки, принятия и реализации решений по обороне российского Дальнего Востока, анализ делопроизводства велся комплексно. Прорабатывались документы всех уровней вертикали власти, от императора и центрального аппарата Военного министерства до штабов командующих войсками в областях и конкретных частей и соединений.

Наибольшее количество материалов было выявлено в РГВИА. Материалы, связанные с обороной территорий Восточной Сибири и Дальнего Востока в 50–начале 60-х гг. XIX в., отложились в фонде Департамента Генерального Штаба (Ф. 38. Оп. 4, 5, 8). Для 1866–1904 гг. принципиальные для понимания процессов организации русской армии на Дальнем Востоке и обороны региона документы центрального аппарата Военного министерства сосредоточены в Азиатской части Главного штаба (Ф. 400. Оп. 1). В этом же фонде сохранился комплекс направляемых в столицу с мест отчетных документов об организации и устройстве местных войск и артиллерии Восточного Сибирского военного округа (Ф. 400. Оп. 2). Документы по дислокации, казарменному строительству, созданию

военной инфраструктуры, перевозке и дислокации войск сохранились в делах строевого отделения Главного штаба (Ф. 400. Оп. 3). Документы 1891–1905 гг. по оперативному управлению войск и их стратегическому назначению, распределению и обеспечению – в делах генерал-квартирмейстерской части Главного штаба (Ф. 400. Оп. 4). В документах мобилизационного отдела Главного штаба (Ф. 400. Оп. 6) имеются подробные сведения о мобилизации и демобилизации войск Приамурского военного округа в 1900–1901 гг. и 1904–1905 гг.

В фонде Военно-ученого архива (Ф. 846) сосредоточены поступающие в Военное министерство сведения о международных отношениях на Дальнем Востоке (Ф. 846. Оп. 1); материалы по Китаю, Корее и Японии (Ф. 846. Оп. 2), документы о мерах усиления военного положения в Приамурском крае в 1879–1895 гг., отчеты по мобилизации войск в 1900 г., материалы по усилению войск в регионе в 1900–1903 гг., часть документов по военному планированию (Ф. 846. Оп. 3), донесения русских военных агентов в Китае и Японии (Ф. 846. Оп. 5), материалы по Китайскому походу 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. (Ф. 846. Оп. 6), организации военных перевозок и обеспечению безопасности КВЖД (Ф. 846. Оп. 8), а также документы, собранные военно-исторической комиссией по описанию Русско-японской войны (Ф. 846. Оп. 16. Т. 4).

Эти материалы существенно дополняются отдельными коллекциями документов по Китаю (Ф. 447), Корее (Ф. 448), Японии (Ф. 451), военным действиям в Китае в 1900–1901 гг. (Ф. 486) и Русско-японской войне 1904–1905 гг. (Ф. 487).

В делах канцелярии Военного министерства (Ф. 1. Оп. 2) отложились всеподданнейшие отчеты по войскам Восточного Сибирского и Приамурского военных округов. Материалы их текущего делопроизводства сохранились в фондах различных органов и областей. Из-за гибели большей части документов в Иркутском пожаре 1879 г., фонд штаба Восточного Сибирского военного округа (Ф. 1447. Оп. 1, 2) беден и малоинформативен. Напротив, фонд Окружного штаба Приамурского военного округа (Ф. 1558) с документами мобилизационного (Ф. 1558. Оп. 2), военно-статистического (Ф. 1558. Оп. 4), отчетного (Ф. 1558. Оп. 5) и инспекторского (Ф. 1558. Оп. 6) отделений сохранился неплохо. Выявленные в них сведения дополнялись данными из фондов Управления войсками Приморской области (Ф. 1096), Управления войсками Амурской области (Ф. 1110), Окружных интендантского (Ф. 1560) и артиллерийского (Ф. 1561) управлений.

Важен и личный фонд А.Н. Куропаткина (Ф. 165), где отложились не только его дневники, но и комплекс документов по управлению Военным министерством, событиям Китайского похода 1900–1901 гг. и подготовке к войне с Японией. Научную ценность представляет не только содержание документов, но и пометки на них А.Н. Куропаткина, позволяющие восстановить ход его мыслей. Куда менее информативны личные фонды А.И. Пантелеева (Ф. 88) и П.Ф. Унтербергера (Ф. 99).

Материалы более позднего периода интересны, поскольку ошибки, приведшие к поражению России в войне с Японией, продолжали обсуждаться в военном ведомстве вплоть до начала Первой мировой войны 1914–1918 гг. одновременно с разработкой новых

программ усиления войск и оборонительных планов. Наиболее информативны документы Совета Государственной обороны (Ф. 830), текущей деятельности ГУГШ по организации обороны региона в 1906–1914 гг. (Ф. 2000. Оп. 1, 2, 3); данные по специальной артиллерийской (Ф. 9734) и инженерной подготовке войск (Ф. 14982).

В ГА РФ необходимые документы отложились личных фондах. Документальное собрание В.Н. Ламздорфа (Ф. 568), много лет проработавшего в центральном аппарате МИДа, содержит огромное количество материалов по внешней и оборонной политике России на Дальнем Востоке в 1895–1904 гг. Дипломатические документы, затрагивающие изменение положения в регионе, выявлены в фондах дипломатов Г.А. Плансона (Ф. 818), П.А. Дмитриевского (Ф. 918) и А.П. Извольского (Ф. 559). Несколько ценных документов об организации обороны Уссурийского края в 1880–1881 гг. выявлены в личном фонде Н.П. Игнатьева (Ф. 730). Документы, связанные с оборонной политикой России в регионе, сохранились и в императорских фондах: Александра II (Ф. 678), Александра III (Ф. 677) и Николая II (Ф. 601). В Ф. 543 «Коллекция рукописей Царскосельского дворца» сохранились важнейшие документы по обороне российского Дальнего Востока, активизации внешней политики России в регионе в 1895–1904 гг., Китайскому походу 1900–1901 гг., Русско-японской войне 1904–1905 гг. и последующим дискуссиям о поиске виновных. В последнем отношении важен и личный фонд А.И. Гучкова (Ф. 555).

РГИА ДВ хотя и дает материал, необходимый для понятия общеисторического контекста в рамках исследования данной темы (Ф. 1 и 702), однако беден документами по военной истории. Тем не менее, именно в нем удалось выявить отсутствующие даже в РГВИА наиболее подробные, местные «квартирные росписания войск Приамурского военного округа» (Ф. 702), а также недостающие документы по Маньчжурской войне 1868 г. и Шитэулинскому инциденту 1879 г. (Ф. 1). Здесь же находится ряд мобилизационных документов кануна Русско-японской войны 1904–1905 гг. (Ф. 1615).

В ОР РГБ материалы по теме исследований были выявлены в фонде Генерального Штаба (Ф. 68) и в собрании отдела рукописей (Ф. 218). Наиболее значимые материалы, как и в ГА РФ – в личных фондах: М.С. Корсакова (Ф. 137), Д.А. Милютин (Ф. 169), М.И. Венюкова (Ф. 363), М.В. Алексеева (Ф. 855), семьи Симанских (Ф. 271). В последнем сохранились копии дипломатических и военных документов, сделанных членом военно-исторической комиссии по описанию Русско-японской войны П.Н. Симанским.

В ГАХК была обследована «Коллекция документов по истории армии на Дальнем Востоке» (Ф. Р-768), материалы по истории Хабаровского окружного арсенала (Ф. И-39), документы органов управления Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск (Ф. И-286), сохранившаяся часть архива Никольск-Уссурийского уездного воинского начальника (Ф. И-206) и Амурского казачьего генерала графа Муравьева-Амурского полка (Ф. И-199), а также почти полный комплект подшивок приказов и приказаний по войскам Приамурского военного округа.

Определенные сведения удалось почерпнуть из воспоминаний В.Е. Флуга¹⁰³, долгое

¹⁰³ Воспоминания В.Е. Флуга за период 1896–1904 гг. см.: ГА РФ. Ф. Р-6683. Оп. 1. Д. 1в, 2, 3, 4, 5.

время служившего на Дальнем Востоке, дневников чиновника по дипломатическим вопросам при Наместнике Г.А. Плансона¹⁰⁴ и дипломата П.А. Дмитриевского¹⁰⁵.

Были проработаны и опубликованы не введенные ранее в научный оборот источники личного происхождения: рукопись¹⁰⁶ воспоминаний служившего в Приамурском военном округе в 1896–1914 гг. А.П. Будберга («Из Сибирских воспоминаний. Постройка Владивостокской крепости») и его «Сибирские воспоминания» впервые изданные в России¹⁰⁷; машинописные воспоминания военного инженера П.П. Унтербергера «Между двух стульев»¹⁰⁸, две главы которых были впервые переведены при участии Р.С. Авилова на русский язык и изданы в России¹⁰⁹, после чего был опубликован и первый их том целиком¹¹⁰.

Опубликованные источники представлены несколькими крупными группами. Материалы законодательства и нормативно-правовые документы из второго и третьего Полного Собрания законов Российской Империи, Свода Военных Постановлений и «Сборников Правительственных распоряжений по казачьим войскам»¹¹¹. Приказы по военному ведомству – печатались в типографии Военного министерства, направлялись во все заинтересованные учреждения, где брошюровались в подшивки по годам¹¹². Каждый год к ним печатались алфавитные и хронологические указатели¹¹³. Издавались и различные справочники¹¹⁴.

В военных округах издавались приказы и приказания по войскам округа, по которым

¹⁰⁴ Дневники Порт-Артурского периода его службы см.: ГА РФ. Ф. 818. Оп. 1. Д. 211, 212.

¹⁰⁵ Дневник П.А. Дмитриевского // ГА РФ. Ф. 918. Оп. 1. Д. 2, 3.

¹⁰⁶ Оригинал рукописи хранится в фондах Музея русской культуры в Сан-Франциско (Калифорния, США).

¹⁰⁷ Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. Владивосток, 2017. 434 с.; Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. Владивосток, 2014. С. 323–373.

¹⁰⁸ «Zwischen zwei Stülen» Betrachtungen, Gedanken und Erinnerungen von P.F. Unterberger («Между двух стульев» Наблюдения, размышления и воспоминания П.Ф. Унтербергера) // Семейный архив Э.Г. Унтербергера (Erika Unterberger), г. Гмунден, Австрия.

¹⁰⁹ Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди. Владивосток, 2015. С. 166–244.

¹¹⁰ Унтербергер П.П. Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера. Ч. 1. «Детство, отрочество, юность» / Пер. с нем. Л.Е. Корнилова; Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. В.И. Калинин, Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин. Владивосток: ОИАК–ПКО РГО, 2021. 396 с.

¹¹¹ Полное Собрание законов Российской Империи (ПСЗ РИ). Собрание второе (II): в 55 т. СПб., 1850–1881. Т. 25–54; ПСЗ РИ III: в 33 т. СПб., 1881–1895. Т. 1–7; Свод военных постановлений (СВП) 1869 г. СПб., 1869–1911. Ч. 1–6; Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам. Т. 1–40. СПб., 1870–1905.

¹¹² Приказы по военному ведомству за 1865–1904 гг. СПб., 1865–1904.

¹¹³ Алфавитные указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1904 гг.; Хронологические указатели приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба за 1865–1904 гг.

¹¹⁴ См., напр.: Н.Б. Указатель приказов военного министра с 1859 г. по 1 июня 1867 г. СПб., 1867. 330 с.; Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, за время с 1 января 1869 г. по 1 октября 1882 г. СПб., 1883. 1336 с.; Систематический сборник приказов по военному ведомству и циркуляров Главного штаба, за время с 1 января 1869 г. по 1 января 1887 г. СПб., 1887. 1987 с.; Патин К.А. Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и прочих главных управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам за 52 года, с 1859 по 1911 г. 3-е изд., доп. СПб., 1906–1913; Мартынов. Указатель Высочайших повелений и распоряжений Военного министерства, воспоследовавших в дополнение, изменение и отмену свода штатов военно-сухопутного ведомства. С 1 января 1870 г. по 1 марта 1872 г. СПб., 1872. 239 с.; Мау. Полный систематический указатель приказов по военному ведомству 1869–1873 гг. СПб., 1873. 160 с.; Гольмдорф М. Указатель-сборник распоряжений по артиллерии за 20 лет. Приказы, приказания и циркуляры с 1855 по 1875 г. СПб., 1875. 205 с.; Кохно П.А. Указатель распоряжений по артиллерии за семь лет (приказы и циркуляры) с 1881 по 1888 г. СПб., 1888. 176 с.; Настольный хронологический указатель постановлений относящихся до устройства военно-сухопутных сил России 1550–1890. СПб., 1890. 206 с.

можно проследить ход всех преобразований на месте¹¹⁵. Время юридического завершения преобразований отражалось в «Циркулярах Главного Штаба»¹¹⁶. Общее представление о состоянии русской армии дают «Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства», издававшиеся с опозданием в 2 года¹¹⁷. Использование этого комплекса документов позволяет воссоздать историю русской армии на Дальнем Востоке в 1865–1904 гг. на всех уровнях, начиная с дискуссий и механизма принятия решений и заканчивая их практической реализацией.

С этой же целью использовался материал из дореволюционных¹¹⁸, советских¹¹⁹ и современных¹²⁰ сборников документов. При изучении вопросов истории международных отношений применялись отечественные и иностранные публикации дипломатических документов¹²¹. Для получения данных о составе и дислокации войск использовались справочные издания, важнейшие из которых – «Краткие росписания сухопутных войск» и

¹¹⁵ Приказы по войскам Восточного Сибирского военного округа за 1865–1884 гг. Иркутск, 1865–1884; Приказы по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. Хабаровка/Хабаровск, 1884–1904; Приказания по войскам Приамурского военного округа за 1884–1904 гг. Хабаровка/Хабаровск, 1884–1904. Они отложились во многих местах: комплект Главного штаба – в РНБ, Амурской контрольной палаты – в ГАХК НСБ, отдельные подшивки имеются в РГВИА и РГИА ДВ.

¹¹⁶ Циркуляры Главного штаба за 1881–1904 гг. СПб., 1881–1904.

¹¹⁷ Всеподданнейшие отчеты о действиях Военного министерства за 1865–1904 гг. СПб., 1867–1906.

¹¹⁸ Сборник главнейших официальных документов по управлению Восточной Сибирью. Т. I. Вып. I–II; Т. VIII. Иркутск, 1884; Свод замечаний на проект устройства военного управления по округам, составленный в военном министерстве. СПб., 1862. 380 с.; Материалы для описания военных действий в Китае. Отд. 1. Т. 1–8. СПб., 1902–1908; Отд. 2. Т. 1–6. СПб., 1902–1907; Отд. 3. Т. 1–8. СПб., 1902–1908; Материалы относящиеся до земельного и экономического положения Амурского и Уссурийского казачьих войск. Вып. 1. СПб., 1902. 267 с. и др.

¹¹⁹ Владивосток. Сборник исторических документов. Владивосток, 1960. 219 с.; Макаров С.О. Документы. Т. 1. М., 1953. 575 с.; Т. 2. М., 1960. 783 с.; Защитники Отечества: Героическая оборона Петропавловска-Камчатского в 1854 г.: Сб. офиц. док. 2-е изд. доп. Петропавловск-Камчатский, 1989. 270 с. и др.

¹²⁰ Внутренняя и конвойная стража России 1811–1917. Док. и матер. М., 2002. 576 с.; Амурские губернаторы 1856–1971. Сб. док. и матер. Благовещенск, 2006. 152 с.; Дальний Восток России: из истории системы управления. Док. и матер. К 115-летию Приамурского генерал-губернаторства. Владивосток, 1999. 233 с.; Заветная мечта императора. К 120-летию начала строительства Уссурийской железной дороги. Док. и матер. Владивосток, 2011. 156 с.; Из истории сел Посьетского района: Док. и матер. Владивосток, 2004. 104 с.; Маршрутами губернаторов: Док. и матер. Владивосток, 2004. 104 с.; Никольск-Уссурийский: страницы истории. Док. и матер. Владивосток, 2003. 180 с.; Из истории заселения Анучинского района: док. и матер. Владивосток, 2009. 220 с.; Из истории заселения Дальнереченского района: док и матер. Владивосток, 2005. 136 с.; Из истории заселения Кировского района: док и матер. Владивосток, 2007. 164 с.; Из истории заселения Ханкайского района: док. и матер. Владивосток, 2009. 242 с.; Из истории заселения Чугуевского района: док. и матер. Владивосток, 2018. 180 с.; «Большая игра» в Центральной Азии: «Индийский поход» русской армии: сборник архивных документов. Сб. арх. док. М., 2014. 359 с.; Из истории Русско-японской войны 1904–1905 гг. Порт-Артур. Т. 1–2. Сб. док. М., 2008; Порт-Артур и Дальний, 1894–1904 гг.: последний колониальный проект Российской империи. Сб. док. М.; СПб., 2018. 522 с. и др.

¹²¹ Grimm Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925). М., 1927. 219 с.; Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока 1895–1905 гг. СПб., 1906. 763 с.; Сборник договоров России с Китаем 1869–1881. СПб., 1889. 271 с.; Сборник действующих трактатов, конвенций и соглашений, заключенных Россией с другими государствами. Т. II. 2-е изд. СПб., 1906. 675 с.; Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917. М., 1952. 470 с.; *Treaties between the Empire of China and foreign powers*. 4th edition. Shanghai, 1902. 332 p.; *Treaties &c., between Great Britain and China; and between China and Foreign Powers; and orders in council, rules, regulations, acts of Parliament, decrees, and notifications affecting British and China. In force on the 1st January, 1896*. London, 1896. Vol. II. P. 423–764; *Korea, treaties and agreements*. Washington, 1921. 68 p.; *Treaties and agreements with and concerning China. 1894–1919*. Vol. I. New York, 1921. 928 p.; *Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette. 1874–1914. Sammlung der Diplomatischen Akten des Auswärtigen Amtes*. Bd. 1–19. Berlin, 1922–1927; *Document diplomatiques français, relatifs aux origine de la guerre de 1914*. 1871–1914. 1ère Série (1871–1900), 16 volume; 2ème Série (1901–1911), 15 volume; 3ème Série (1911–1914), 11 volume / Ministère des affaires étrangères. Paris, 1929–1959; *Korea and Manchuria between Russia and Japan 1895–1904. The observation of Sir Ernest Satow, British Minister Plenipotentiary to Japan (1895–1900) and China (1900–1906)*. Tokyo, 1968. 296 p.; *The d'Anethan Dispatches from Japan, 1894–1910: The Observations of Baron Albert d'Anethan, Belgian Minister Plenipotentiary and Dean of the Diplomatic Corps*. Tokyo, 1967. 272 p.

«Росписания сухопутных войск»¹²². Подробными справочниками по истории каждого из родов войск являются «Справочные книжки императорской Главной квартиры»¹²³. Для идентификации генералов, офицеров и установления основных вех их служебной биографии использовались справочные издания по личному составу русской армии¹²⁴; для анализа ТВД – по Восточному Сибирскому и Приамурскому военным округам¹²⁵, Приамурию, Приморью¹²⁶, а также опубликованные штабами различных уровней описания территорий Дальневосточного ТВД¹²⁷, Китая¹²⁸, Кореи¹²⁹ и Японии¹³⁰. Уникальным является труд Г.А. Цитовича¹³¹. Следует отметить и крупнейшие имперские военно-справочные издания: «Военный энциклопедический лексикон»¹³², «Энциклопедию военных и морских наук» под ред. Г.А. Леера¹³³ и «Военную энциклопедию» издания «Т-ва И.Д. Сытина»¹³⁴. В них объясняется вышедшая из употребления военная терминология 2-й пол. XIX в.

При анализе дискуссий по военным реформам использовалась официальная военная

¹²² Росписания сухопутных войск. СПб., 1866–1904; Краткие росписания сухопутных войск. СПб., 1866–1904.

¹²³ Казачьи войска. Краткая хроника казачьих войск и иррегулярных частей. По 1 апреля 1912 г. СПб., 1912; Кавалерия (Кроме гвардейских и казачьих частей). Изд. 3-е. По 1 июля 1914 г. СПб., 1914; Инженерные и железнодорожные войска. Изд. 2-е. Исправ. и доп. По 20 мая 1909 г. СПб., 1909; Хроника батарей пеших и конной артиллерии и артиллерийских парков. СПб., 1896. Ч. 1–3 и др.

¹²⁴ Списки генералам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб., 1865–1914; Списки полковникам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб., 1865–1914; Списки подполковникам по старшинству. 1865–1914 гг. СПб., 1865–1914; Списки Генерального Штаба. 1864–1914. СПб., 1864–1914. и др.

¹²⁵ Общий состав управлений Восточного Сибирского военного округа. Испр. по 25 октября 1876 г. Иркутск, 1876. 34 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Испр. по 1 января 1892 г. Хабаровка, 1892. 25 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Испр. по 1 января 1893 г. Хабаровка, 1893. 25 с.; Общий состав управлений Приамурского военного округа. Испр. по 1 июля 1901 г. Хабаровск, 1901. 107 с. и др.

¹²⁶ Памятные книжки и адрес-календари Приморской области за 1896–1905 гг. Владивосток, 1896–1905; Памятные книжки Амурской области за 1896–1905 гг. Иркутск, 1896–1905; Памятные книжки Забайкальской области за 1871–1905 гг. Иркутск, 1871–1905; Памятные книжки Квантунской области за 1900–1903 гг. Порт-Артур, 1900–1903 и др.

¹²⁷ Дальний Восток. Пути сообщения. СПб., 1911. Т. 1–2; Краткое описание Дальнего Востока и прилегающих к нему областей Сев. Маньчжурии и Сев. Кореи. Воен.-геогр. и стат. обзоры в 3-х отделах. Хабаровск, 1912 и др. Следует отметить, что развитие военно-транспортной инфраструктуры на российском Дальнем Востоке во 2-й пол. XIX–начале XX в. по причине крайне низкой изученности, является темой отдельного, самостоятельного исследования, и в рамках данной работы детально рассматриваться не будет.

¹²⁸ Свиягин Н.С. По русской и китайской Маньчжурии от Хабаровска до Нингуты. Впечатления и наблюдения. СПб., 1897. 94 с.; Южно-Сунгарийский район. Разведка Генерального штаба капитана Э. Вейль в 1897–1898 гг. Ч. 1. Хабаровск, 1899; Самойлов [В.К.] Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове. СПб., 1898. 347 с.; Богаевский. Сан-Синское фудутунство. Хабаровск, 1903. 74 с.; Богданов [А.Ф.] Ансехинское фудутунство. Т. 1–2 (Ч. 1–3). Хабаровск, 1902; Дуров [Н.Н.] Цицикарское фудутунство. Хабаровск, 1903. 93 с.; Зигель. Гириное фудутунство. Хабаровск, 1903. 194 с.; Ижицкий. Мергенское фудутунство. Хабаровск, 1902; Карликов К. Нингутинское фудутунство. Хабаровск, 1903. 325 с.; Лисовский. Гириное фудутунство. Хабаровск, 1903; Лишин. Хунчунское фудутунство. Хабаровск, 1903; Люпов [С.Н.] Хуланьское фудутунство Хей-лун-цзянской провинции. Ч.1–2. Хабаровск, 1903; Мельгунов. Бутхасское фудутунство. Хабаровск, 1903; Тихменев [Н.М.] Чань-чунь-фу и фудутунство Бодунэ–Хайлар. Хабаровск, 1903. 198 с.; Щедрин. Айгунское фудутунство (западная часть). Хабаровск, 1903. 41 с.; Цихович [Я.К.] Военный обзор Гириной провинции и Северной Маньчжурии. СПб., 1904. 282 с.; Доброловский И.А. Хейлунцзянская провинция Маньчжурии. Харбин, 1906. 195 с. и др.

¹²⁹ См., напр.: Корф Н.А., Звегинцов А.И. Военный обзор Северной Кореи. СПб., 1904. 256 с., 5 л. карт; Звегинцов А.И. Описание Желтого и Японского морей и Корейского пролива, как районов военных действий. СПб., 1904. 24 с., 1 л. карт.; Корф Н.А., Звегинцов А.И. Северная Корея: Сборник описаний позиций. Труды Осенней экспедиции 1898 г. СПб., 1901. 89 с.; Северная Корея. Сборник маршрутов. Труды Осенней экспедиции 1898 г. Под ред. [Н.А.] Корф. СПб., 1901. 314 с. и др.

¹³⁰ Сборник новейших сведений о вооруженных силах иностранных государств. Япония. СПб., 1903. 54 с.; Сведения о вооруженных силах Японии и Кореи. СПб., 1904. 76 с.; Богуславский Н.Д. Япония. Военно-географическое и статистическое обозрение. СПб., 1904. 415 с.; Ермилов Н. Японская армия и флот. СПб., 1904. 47 с.

¹³¹ Цитович Г.А. Храмы армии и флота. Историко-статистическое описание. Пятигорск, 1913. Ч. 1–2.

¹³² Военный энциклопедический лексикон, издаваемый обществом военных и литераторов. Ч. 1–14. СПб., 1837–1850.

¹³³ Энциклопедия военных и морских наук... СПб., 1883–1895. Т. 1–8.

¹³⁴ Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И.Д. Сытина, 1911–1915. Т. 1–18.

периодика («Военный сборник», «Морской сборник», «Артиллерийский журнал», «Инженерный журнал», «Ежегодник Русской армии» и газета «Русский инвалид»). Издававшийся с 1892 г. журнал «Разведчик» был частным, поэтому дискуссии в нем были оживленнее, а дальневосточные материалы – острее и полемичнее. Информацию о потенциальных противниках России содержит «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии»¹³⁵. Ряд материалов печатался в гражданских журналах: «Русская старина», «Исторический вестник» и «Вестник Европы». В 20-е–1-й пол. 30-х гг. XX в. важные документы публиковались в журнале «Красный архив».

Из опубликованных источников личного происхождения использовались воспоминания и дневники: 1. Офицеров русской армии, служивших на Дальнем Востоке и оставивших ценные данные и личные впечатления о системе военного управления, войсках и военно-стратегической ситуации в регионе: А.П. Будберга, М.И. Венюкова, Б.Л. Громбчевского, М.В. Грулева, М.М. Иванова, Е.А. Никольского и Н.М. Пржевальского¹³⁶. 2. Представителей высшего военного управления, определявших ход проводимых военных реформ, политику государства в области вооруженных сил и лиц хорошо с этим процессом знакомых: Д.А. Милютин, А.Н. Куропаткина, А.Ф. Редигера и Н.А. Епанчина¹³⁷. 3. Российских и зарубежных дипломатов: В.Н. Ламздорфа, Ю.Я. Соловьева, Г.А. Плансона, А.П. Извольского, М. фон-Брандта, Дж. Фостера, О. Жерара, Тадасу Хаяши и Кикудзиро Исии¹³⁸. 4. Лиц императорской фамилии и представителей высшего гражданского управления: Николая II, С.Ю. Витте, А.Н. Куломзина и А.А. Половцова¹³⁹. 5. Родственников военных и гражданских лиц, служивших на российском Дальнем Востоке – В.Ф. Духовской¹⁴⁰. 6. Российских и иностранных путешественников, исследователей и

¹³⁵ Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1883–1896. Т. 1–70.

¹³⁶ Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания... 434 с.; Венюков М.И. Путешествие по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. 235 с.; Громбчевский Б.Л. На службе российской. Фрагменты воспоминаний. М., 2016. 264 с.; Грулев М.В. Записки генерала-еврея. М., 2007. 272 с.; Его же. В штабах и на полях Дальнего Востока: воспоминания офицера Генерального Штаба и командира полка о Русско-японской войне. СПб., 1908. 367 с.; Иванов М.М. Воспоминания генерала Российской армии: 1861–1919. М., 2016. 448 с.; Никольский Е.А. Записки о прошлом. М., 2007. 288 с.; Пржевальский Н.М. Путешествие в Уссурийском крае 1867–1869 гг. СПб., 1870. 297 с.

¹³⁷ Дневник Д.А. Милютин. Т. 1–4. М., 1947–1950; Дневник А.Н. Куропаткина // КА. 1922. Т. 2. С. 9–117; 1924. Т. 5. С. 82–101; 1924. Т. 7. С. 55–69; 1925. № 1 (Т. 8). С. 70–100; 1935. № 1 (Т. 68). С. 65–96; 1935. № 2 (Т. 69–70). С. 101–126. Переизданы в: Дневник А.Н. Куропаткина. Предисловие М.Н. Покровского. Б.м., 1923. 140 с.; Русско-японская война. Из Дневников А.Н. Куропаткина и Н.П. Линевица. С предисл. М.Н. Покровского. Л., 1925. 190 с.; Куропаткин А.Н. Дневник генерала А.Н. Куропаткина. М., 2010. 455 с.; Японские дневники А.Н. Куропаткина (27 мая–1 июля 1903 г.). Публикация Е.Ю. Сергеева и И.В. Карпеева // Российский архив (История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.). Вып. VI. М., 1995. С. 393–444; Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2-х томах. М., 1999; Епанчин Н.А. На службе трех Императоров. Воспоминания. М., 1996. 573 с.

¹³⁸ Ламздорф В.Н. Дневник 1886–1890. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. 400 с.; Его же. Дневник. 1891–1892. Воспоминания. Мемуары. Минск, 2003. 416 с.; Его же. Дневник. 1894–1896. М., 1991. 456 с.; Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1939. 415 с.; В штабе адм. Е.И. Алексеева. Из дневника Г.А. Плансона // КА. 1930. Т. 4–5 (41–42). С. 148–204; Извольский А.П. Воспоминания: Пер. с англ. 2-е изд. М., 1989. 192 с.; Brandt M. von. Dreiunddreissig Jahre in Ost-Asien...; Brandt M. von. Drei Jahre ostasiatischer Politik 1894–1897. Stuttgart, 1898. 263 s.; Foster J.W. Diplomatic Memoirs. 2 vols. Boston and New York., 1909; Gérard A. Ma mission en Chine, 1894–1897. Paris, 1918. 347 p.; Gérard A. Ma mission au Japon (1907–1914). Paris, 1919. 410 p.; The secret memoirs of count Tadasu Hayashi / Ed. by A.M. Pooley. New York, 1915. 331 p.; Исии Кикудзиро. Дипломатические комментарии. М., 1942. 236 с.

¹³⁹ Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. М., 2013; Витте С.Ю. Воспоминания, мемуары: в 3 т. 2-е изд. Минск, 2017; Куломзин А.Н. Пережитое. Воспоминания. М., 2016. 1038 с.; Половцов А.А. Дневник государственного секретаря: в 2 т. М., 2005.

¹⁴⁰ Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Ч. I–II. СПб., 1900.

публицистов, посещавших регион и живших на его территории: Д.Г. Янчевецкого, Э.Л. Прей, Г. Норманна и И. Бишоп¹⁴¹.

Наглядно подтверждали и иллюстрировали имеющиеся письменные источники материалы картографические, представленные целыми атласами и отдельными картами¹⁴².

Таким образом, широкий круг использованных источников вполне позволил решить поставленные в исследовании задачи.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые проведено исследование русской армии на Дальнем Востоке в военной политике Российской империи в 1865–1904 гг. в контексте внутривойсковых процессов в Российской империи, внешнеполитической и военно-стратегической ситуации в регионе. Рассекречивание в 1991–1993 гг. огромного массива документов, связанных с обеспечением безопасности российского Дальнего Востока в дореволюционный период, позволило привлечь качественно новую источниковую базу, ранее недоступную ни отечественным, ни тем более зарубежным ученым. В результате была не только существенно дополнена созданная ранее картина военной истории региона, скорректированы оценки дореволюционных, советских и некоторых современных авторов, но и получено качественно новое знание и выводы по заявленной теме.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Военное управление – важнейший и системообразующий элемент имперского управления на российском Дальнем Востоке в 1865–1904 гг., постепенно, на протяжении 2-й пол. XIX–начала XX в., отделяемый от управления гражданского. В результате проведенной в 1865 г. в Восточной Сибири военно-окружной реформы, была закреплена система, при которой высшие функции военного и гражданского управления регионом были сосредоточены в руках одного лица, занимавшего одновременно должности Командующего войсками военного округа и генерал-губернатора, что в условиях окраинной территории обеспечивало высокий уровень координации различных ведомств на местах и лучшее качество управления, в т.ч. в военной сфере. Важную роль играла необходимость объединения руководства войсками и системой военного управления Дальневосточным ТВД в руках одного лица как в мирное, так и в военное время. При создании в 1884 г. Приамурского военного округа подобная практика была сохранена,

¹⁴¹ Янчевецкий Д. У стен недвижного Китая. Дневник корреспондента «Нового времени» на театре военных действий в Китае в 1900 г. СПб.–Порт-Артур, 1903. 617 с.; Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894–1930). Владивосток, 2008. 448 с.; Norman H. The peoples and politics of the Far East. London, 1895. 608 p.; Bishop I.B. Korea and Her Neighbors. London, 1898. 261 p. и др.

¹⁴² 10-ти верстная карта Южно-Уссурийского края и пограничных районов Северной Маньчжурии и Северной Кореи сост. в 1905 г. Воен.-Топ. Отделом Штаба Приамурского воен. Округа из материалов прежних мест и дополненная по рекогносцировкам 1905 г. офицеров: Генерального Штаба, Корпуса Военных Топографов и строевых. Масштаб 1:420000 вер.; Атлас Азиатской России. Изд. Переселенческого управления Главного управления землеустройства и земледелия. СПб., 1914; Карта Азиатской России с прилегающими к ней владениями. Сост. при воен.-топ. отделе Главного штаба. 1884 г. Масштаб 100 верст в дюйме; Карта Азиатской России. Сост. по сведениям Генерального Штаба полковником Ильиным. Испр. по 1 апреля 1868 г. Масштаб в английском дюйме 250 верст, 1:10500000; Карта Дальнего Востока. Сост. Л. Бородавский. 1904 г. Масштаб в одном дюйме 80 верст; Карта линий КВЖД. 1903 г.; Карта путей сообщения Азиатской России. Изд. МПС. 1901 г. Масштаб 1:4200000. В дюйме 100 верст; Карта Уссурийского края. Сост. по карте Шварца и карте Южно-Уссурийского края, изд. в Иркутске чинами Генерального Штаба, в 1866 г.; Новая карта театра военных действий. Маньчжурия и Корея. С алфавитным указателем и с дополнительными картами 1) Квантунской области, 2) Порт-Артура и 3) Владивостока. СПб., 1904 и др.

однако попытка включения в состав системы управления регионом в 1898 г. новых территорий (Квантунской области), и начало проработки идеи создания еще одного округа, сначала Маньчжурского, а затем Квантунского, привели к разбалансировке сложившейся и достаточно хорошо отлаженной системы. Единство военного управления на Дальневосточном ТВД было потеряно. Создание в 1903 г. Дальневосточного Наместничества, вопреки ожиданиям, не улучшило, а ухудшило ситуацию. Придание Наместнику еще и функций по управлению флотом на Тихом океане, привело к перегрузке самого Наместника и имеющихся в его распоряжении органов управления, в т.ч. военного. Поставленные перед Наместником задачи по координации действий армии и флота не были решены, в то время как существенная разбалансировка системы управления регионом привела к частичной потере управляемости и снижению обороноспособности российского Дальнего Востока как раз накануне начала войны с Японией.

2. Для всего периода 1865–1904 гг. установлен догоняющий, по сравнению с потенциальными противниками, характер процесса усиления русских войск, формирования военных запасов и создания военной и военно-транспортной инфраструктуры в регионе. Из-за слабости экономики Российской империи, не способной финансово обеспечить полномасштабную подготовку империи к войне одновременно на нескольких ТВД, предпочтение из культурно-цивилизационных соображений («защитить сердце империи») отдавалось Европейскому, Кавказскому и Туркестанскому ТВД. Подготовка Дальневосточного ТВД обеспечивалась по остаточному принципу; ни одна программа усиления русских войск в регионе не была ориентирована на экспансию и не предусматривала опережающих темпов милитаризации региона. Подобная политика спровоцировала серьезное отставание развития оборонительного потенциала российского Дальнего Востока от наступательного потенциала вероятных противников, которое оказалось невозможно ликвидировать не только экстренно, для реакции на события Японо-китайской войны 1894–1895 гг., но и планомерно в условиях подготовки к Русско-японской войне 1904–1905 гг.

3. Своеобразный Дальневосточный ТВД требовал специфического характера обучения войск и их подготовки к ведению войны в условиях иной географической, климатической и цивилизационной реальности. Впервые командование войск в регионе столкнулось с этим во время Маньчжурской войны 1894–1895 гг., к 1880 г. проблема была осознана, после чего в обучении войск начали ориентироваться не только на уставы и поступавшую из министерства нормативно-правовую документацию, но и на постепенно нарабатываемый местный опыт. Отсутствие такой подготовки у частей и соединений русской армии, дислоцировавшихся за пределами дальневосточных территорий империи, во многом обусловило более низкий уровень эффективности их использования во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., по сравнению с войсками Дальневосточного Наместничества, имевшими за плечами не только опыт службы в специфических условиях региона, несколько отличавшуюся от практиковавшейся в войсках Европейской России выучку, но и ценнейший опыт ведения боевых действий в Китае в 1900–1901 гг.

4. Общий недостаток в 1865–1904 гг. знаний о Дальнем Востоке на всех уровнях власти и отсутствие необходимых сведений о потенциальных противниках России приводили к постоянным ошибкам в оценке потенциальных угроз и пробелам в военном планировании. В 1865–1894 гг. основными и наиболее вероятными противниками России в регионе признавались Китай и Британская империя, однако весной 1895 г. пришлось аврально готовиться к войне с Японией, которая до этого времени в аналитических и мобилизационных документах даже не упоминалась. После 1895 г. основным и наиболее вероятным противником была признана Япония, к войне с которой и начали готовиться, полностью прекратив планирование военных операций против Китая. В результате Китайский поход 1900–1901 гг. пришлось начинать при полном отсутствии плана войны с Китаем, используя для этого элементы плана противодействия японской армии в Маньчжурии, разработанного весной 1895 г. Только после 1901 гг., когда был накоплен определенный объем сведений, военное планирование начали вести более сбалансировано, ориентируясь на все потенциальные угрозы.

5. Доказано полное отсутствие в 1865–1904 гг. планов, рассчитанных на начало войны со стороны России и направленных на противоборство с государствами Дальнего Востока в целях отторжения от них каких-либо территорий для последующего присоединения к Российской империи. Все планы, разработанные для Дальневосточного ТВД в Окружных штабах Восточного Сибирского и Приамурского военных округов, Дальневосточного Наместничества и в Главном штабе носили оборонительный характер и предусматривали военный ответ на случай объявления войны России со стороны одного или нескольких иностранных государств (Британская империя, Китай, Япония). В этом российская внешняя политика (как официальная, так и неофициальная) в регионе в 1898–1904 гг. входила в противоречие с работой по военному планированию. Даже в период активного продвижения военным министром А.Н. Куропаткиным идеи присоединения к России территории Северной Маньчжурии, каких-либо работ, направленных на разработку планов ведения войны с Китаем для отторжения этой территории, в центральном аппарате Военного министерства, штабе Приамурского военного округа и временном военном штабе Наместника не велось. Таким образом, сформулированный британскими русофобами во 2-й половине XIX в. и периодически используемый до наших дней тезис о наличии у России в этот период *планов* военной экспансии на Дальнем Востоке фактами не подтверждается и представляется несостоятельным.

Практическая значимость исследования состоит в возможности применения его результатов для дальнейшего изучения на качественно новом уровне процессов освоения, развития и защиты дальневосточных территорий Российской империи, исследования методов военного и дипломатического реагирования на внешние угрозы, военного планирования и обучения войск. Введение в научный оборот значительного количества данных, в т.ч. статистических, позволит не только серьезно скорректировать многие устоявшиеся в историографии положения о роли войск и формировании внешнеполитического курса России на Дальнем Востоке, но и успешно противостоять

теориям иностранных авторов, не имеющих возможности, а часто и желания, проводить серьезные исследования с привлечением документов из российских архивов.

Обобщенные данные по методикам подготовки личного состава войск Приамурского военного округа и Дальневосточного Наместничества к ведению боевых действий в условиях специфических природно-климатических и цивилизационных условий Дальнего Востока, а также опыту противодействия распространению занесенных на российскую территорию из северо-восточного Китая эпидемических и эпизоотических заболеваний могут быть с успехом применены в современных вооруженных силах.

Накопленный военным ведомством в регионе опыт был во многом положительным, что дает широкий простор для его использования в культурно просветительской, воспитательной и военно-патриотической работе; сделает российскую военную историю менее «европоцентричной», а значит более интересной жителям регионов, в том числе ДФО. Введенные в научный оборот данные с успехом применялись в 2019–2022 гг. при создании Государственного Музея-заповедника «Владивостокская крепость», а с 2022 г. – в Государственном объединенном музее-заповеднике истории Дальнего Востока им. В.К. Арсеньева, в состав которого он вошел.

Выводы и материалы исследования могут быть использованы при дальнейшем изучении истории освоения и развития российского Дальнего Востока, внешней политики России в регионе и истории русской армии во 2-й пол. XIX–начале XX в.; при создании обобщающих трудов, учебников, учебных пособий нового поколения и при подготовке учебных курсов в образовательных учреждениях различного уровня, в т.ч. военных.

Апробация работы. Основные положения и выводы диссертации были изложены автором на 14 международных, 8 всероссийских и 12 региональных конференциях; отражены в 86 публикациях, в числе которых: 25 статей в журналах, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов научных исследований, 7 статей в журналах, индексируемых в базах данных Web of Science и Scopus, 5 монографий, 20 статей в отечественных и зарубежных журналах, 28 статей в сборниках научных конференций.

Структура диссертационного исследования. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений. Последние включают статистические данные по численности и казарменному расположению войск Восточного Сибирского и Приамурского военных округов, показатели государственных расходов на оборону региона в 1883–1902 гг., данные по срокам готовности частей войск по мобилизации 1895 г. и др. материалы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обоснована актуальность темы, определена степень ее разработанности, а также цель, задачи, объект, предмет, хронологические и территориальные рамки исследования, его теоретико-методологическая и источниковая база, определены его научная новизна и практическая значимость.

В **первой главе «Русская армия на Дальнем Востоке в 1865–1881 гг. Восточный**

Сибирский военный округ», состоящей из шести параграфов, изучен процесс развития группировки русских войск и системы военного управления с момента создания Восточного Сибирского военного округа до обострения Кульджинского кризиса.

Первый параграф «Третий этап военно-окружной реформы в Российской империи: создание Восточного Сибирского военного округа» посвящен анализу специфики введения в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке системы военно-окружного управления в рамках военных реформ 2-й пол. 60-х–70-х гг. XIX в. Рассмотрен процесс адаптации к условиям региона нормативно-правовой базы, разработанной на первом и втором этапах военно-окружной реформы, ход реформы и допущенные просчеты. Установлено, что вся нормативно-правовая база разрабатывалась при прямом участии местного начальства Восточной Сибири, что дало возможность адаптировать ее к условиям региона. Реформа была проведена быстро, созданная система хотя и не была оптимальной, но в течение последующих 16 лет рассматривалась как приемлемая. Неизбежные недостатки созданного в 1865 г. Восточного Сибирского военного округа были вызваны низким уровнем освоения территории: слишком большие размеры округа порождали сложности управления; систему военно-окружного управления вводили на землях, где еще не устоялось административно-территориальное деление, что вызывало трудности его изменения; округ отвечал только текущим военным задачам сер. 60-х гг. XIX в., не будучи рассчитан на резкое обострение внешнеполитической ситуации и возможные конфликты на Дальнем Востоке.

Во втором параграфе «Военные кризисы на российском Дальнем Востоке в 1865–1878 гг.: от Манзовской войны 1868 г. до британской угрозы 1876–1878 гг.» рассмотрена проблема функционирования Восточного Сибирского военного округа в условиях обострения внешнеполитической ситуации, и методы реагирования на внешние и внутренние угрозы на российском Дальнем Востоке. За время существования округа в регионе было несколько острых ситуаций. Первой стала Манзовская война 1868 г., официально определявшаяся в Российской империи как «восстание китайцев (манз) в Южно-Уссурийском крае в 1868 г.»¹⁴³, к которому командование и войска оказались абсолютно не готовы, но которое пришлось подавлять военной силой. Это стало полезным опытом, и 6 лет спустя в 1874 г., благодаря своевременно принятым мерам рецидив Манзовской войны допущен не был и очередного конфликта в Южно-Уссурийском крае удалось избежать. Во 2-й пол. 70-х XIX в. начало расти влияние на политику в регионе «Восточного вопроса». В результате, в 1876 г. в Окружном штабе был разработан первый официально утвержденный императором план обороны дальневосточных территорий империи, на основании которого в 1877–1878 гг. в Южно-Уссурийском крае был реализован комплекс мер по противодействию возможному удару британского ВМФ. Однако Британская империя в Русско-турецкую войну 1877–1878 гг. так и не вступила. Установлено, что постоянной работы по изучению потенциальных противников и подготовке планов войны с ними для дальневосточного региона в 1865–1878 гг. не велось ни в Главном штабе, ни в Окружном. В результате действия во время Манзовской войны

¹⁴³ Манзовская война // Военная энциклопедия. Т. 15. СПб., 1914. С. 165.

1868 г. и подготовка к войне с Англией в 1876–1878 гг. носили ярко выраженный импровизационный характер.

В третьем параграфе *«Корректировка военного управления в 1868–1881 гг.: предложения, дискуссии, меры»* изучен процесс обсуждения и частичной реализации мер по улучшению военного управления в регионе. Недостатки Восточного Сибирского военного округа проявились во время Манзовской войны 1868 г., когда оперативное управление из Иркутска войсками на Дальнем Востоке оказалось невозможным. Это вызвало дискуссии о необходимости преобразования системы военного управления в регионе, однако Восточный Сибирский военный округ с периодически вносимыми частными изменениями просуществовал до 1884 г., т.е. почти 19 лет. Совпадая территориально с генерал-губернаторством, он мог быть реорганизован или разделен только в рамках общей административной реформы в Восточной Сибири. Последнее требовало достижения согласия между министерствами: Военным, Морским, Финансов и Внутренних дел, что при постоянных аппаратных войнах между первыми двумя из них, заняло более четверти века. В Военном министерстве проект создания на территории Амурской и Приморской областей отдельного военного округа был разработан еще до начала Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. – в 1876 г. Однако потребовалось еще 6 лет и 2 внешнеполитических кризиса, чтобы обсуждение вопроса перешло в практическую плоскость.

В четвертом параграфе *«Развитие группировки войск в регионе: программы, дискуссии, меры»* исследованы как дискуссии по подготовке программ усиления русских войск, последовательно разрабатывавшихся при создании Восточного Сибирского военного округа в 1865 г., после Манзовской войны 1868 г. (программа М.С. Корсакова) и во время обострения Кульджинского кризиса в 1880–1881 гг. (программа Д.Г. Анучина), так и отдельные меры. Проанализирован ход реализации этих программ и их элементов, причины по которым они не были полностью осуществлены. Дана оценка влиянию на этот процесс комиссий И.С. Лутковского (1869 г.) и И.Г. Сколкова (1869–1870 гг.). Установлено, что если программа 1865 г. еще предполагала проведение преобразований в рамках общероссийских военных реформ 60–70-х гг. XIX в., то после Манзовской войны 1868 г. появляются решения, касавшиеся исключительно дальневосточных войск, вызванные внутри- и внешнеполитической ситуацией в регионе. После Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. региональный фактор уже преобладал над общероссийским, а после резкого обострения в 1879 г. Кульджинского кризиса – стал доминирующим, сохранив преобладающее значение вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. В период Кульджинского кризиса была подготовлена первая в российской истории комплексная программа (от 21 февраля 1881 г.) по усилению обороноспособности России на всем протяжении русско-китайской границы. Несмотря на то, что все подсчеты были выполнены с расчетом на силы только одного противника – Китая, этот документ «с соображениями о прочной обороне границ Восточной Сибири и о соответственном усилении военных средств края» стал первым, нацеленным не только на ближайшую

перспективу. Он во многом определил направление дискуссии по повышению обороноспособности российского Дальнего Востока на последующие 14 лет.

В пятом параграфе «Обучение и боевая подготовка войск» проанализированы проблемы подготовки личного состава русских войск к возможному военному конфликту. Доказано, что создание Восточного Сибирского военного округа не внесло существенных изменений в сложившуюся еще в «муравьевскую эпоху» систему обучения войск. В Приморской, Амурской и, до некоторой степени, Забайкальской областях войска (в первую очередь – пехота) использовались, главным образом, не как вооруженная сила, а как элемент хозяйственного освоения, т.е. в качестве бесплатной рабочей силы для решения любых задач. Ни о каком полноценном военном обучении в этих условиях речи не шло. Несмотря на все усилия Командующих войсками округа, за 18 лет его существования переломить ситуацию, а также нормально организовать быт, снабжение и казарменное размещение войск так и не удалось. Причина – малочисленность населения региона, а значит – отсутствие альтернативной рабочей силы для его освоения и развития, а также хроническое недофинансирование казарменного строительства. Это делало невозможным полноценное и систематическое обучение войск, полное прохождение ими всего годового цикла обучения. В результате уровень выучки и боевой подготовки русских войск в регионе стабильно уступал аналогичным показателям войск Европейской России.

В шестом параграфе «Кульджинский кризис 1879–1881 гг. и зарождение военного планирования для Дальневосточного ТВД» дана характеристика процесса возникновения систематического военного планирования для защиты дальневосточных территорий империи. Установлено, что появление в России военного планирования для Дальневосточного ТВД было результатом внешних и внутренних угроз в регионе, а не какой-либо экспансионистской программы или завоевательной политики. Именно Кульджинский кризис 1879–1881 гг. стал толчком к началу систематических работ по военному планированию для Дальневосточного ТВД как на местах, в штабах Забайкальской, Амурской и Приморской областей и Восточного Сибирского военного округа, так и в центре, в Главном штабе Военного министерства. Однако мнения местных и центральных властей по плану кампании разошлись. В Главном штабе, по началу, были больше склонны доверять собственным стратегическим выкладкам, основанным на старых и неточных данных о Китае и Маньчжурии и экстраполяции опыта войн в Европе и Северной Америке на Китай, чем новым сведениям, получаемым с мест. Дискуссия затянулась. В итоге кризис кончился раньше, чем местным и центральным властям удалось согласовать и утвердить окончательный план войны. А поскольку в столице полагали, что Петербургский договор 12 февраля 1881 г. надолго решит проблемы русско-китайских отношений, дискуссии по этому плану быстро сошли на нет и возобновились только с началом Савеловского кризиса в 1882 г., к которому Россия опять подошла без четкого и утвержденного плана ведения войны на Дальнем Востоке.

Во второй главе «Русская армия на Дальнем Востоке в 1882–1895 гг. Становление Приамурского военного округа», состоящей из семи параграфов,

проанализирован ускоренный внешнеполитическими кризисами процесс принятия новых программ усиления войск, преобразования системы военно-окружного управления, военного планирования и совершенствования обучения войск.

Первый параграф «Военная тревога: “Савеловский вопрос” 1882–1886 г. и Афганский кризис 1885 г.» посвящен анализу влияния двух наложившихся друг на друга кризисов: сначала пограничный спор местных русских и китайских властей из-за принадлежности дер. Савеловка и небольшого участка территории, где она располагалась, привел к притязаниям властей Гириной провинции на часть русского побережья в районе зал. Посъета, а затем из-за присоединения к России 31 января 1884 г. Мерва и выхода русских войск к границам Афганистана, Британская империя заняла «Порт-Гамильтон» (о-ва Комундо) и приступила к подготовке удара по Владивостоку и району зал. Посъета. Несмотря на активную подготовку российского Дальнего Востока к возможной войне с двумя противниками сразу, оба кризиса удалось разрешить дипломатическим путем. События 1882–1887 гг. оказали большое влияние на оборонную политику России. В сознании представителей военного, морского и дипломатического ведомств Британская империя и Китай до осени 1894 г. закрепились в качестве наиболее вероятных противников России на Дальнем Востоке. Это предопределило недостаточное внимание к военным реформам, внешней и внутренней политике Японии, а значит – непонимание целей, задач и возможностей реализации этой политики, как на текущий момент, так и в перспективе. Суть спора 1883–1885 гг. между Японией и Китаем по Корее в Петербурге не поняли. Переход Японии к активной внешней политике пропустили, Японо-китайскую войну спрогнозировать не смогли и к новому витку напряженности в регионе, начавшемуся в 1894 г., оказались не готовы.

Во втором параграфе «Создание Приамурского военного округа в 1882–1884 гг.: мнения и решения» рассмотрена проблема аппаратных войн между Военным и Морским министерствами в ходе подготовки и реализации реформы по разделению Восточного Сибирского военного округа на два: Иркутский и Приамурский, и сама реформа, проведенная весной 1884 г., в разгар «Савеловского кризиса». Причиной стало осознание абсолютной невозможности оперативного управления войсками на Дальнем Востоке из Иркутска в случае начала войны. Угроза столкновения с Китаем, при высокой вероятности вмешательства Британской империи, потребовала решительных действий и заставила административный аппарат Российской империи работать быстрее и слаженней чем обычно. Новый военный округ и генерал-губернаторство были созданы всего за 1,5 года, при предшествующих 20-летних дискуссиях. Положительное решение вопроса было обеспечено и оттеснением от принятия решений по оборонной политике моряков, в т.ч. великого князя Константина Николаевича. Преобразование военно-окружной системы было проведено достаточно удачно. Несмотря на экстренный характер реформы, заложенная в Приамурский военный округ концепция просуществовала до 1918 г., а ее элементы – до 2010 г. Включение в состав округа Забайкалья сыграло положительную роль во время мобилизаций 1895 г. и 1900 г., когда потребовалась координация действий

на всем Дальневосточном ТВД из единого центра. Границы округа впервые скорректировали только через 22 года, в 1906 г., выведя из него Забайкальскую область, и то для удобства подавления революции, а не из стратегических соображений.

В третьем параграфе *«Совершенствование военно-административной системы Приамурского военного округа: проблемы и решения»* доказано, что этот процесс был направлен в 1885–начале 1895 гг. на решение пяти основных задач: 1. ликвидация дублирования функций военно-окружного управления системой управления Приморской областью; 2. необходимость адаптации системы военно-окружного управления к специфическим условиям региона и меняющейся внешнеполитической и военно-стратегической ситуации; 3. введение военно-окружного суда; 4. создание в округе системы учета запасных; 5. кадровая проблема. 1-я – следствие экстренного формирования округа в 1884 г., когда новое военно-окружное управление наложили сверху на уже существовавшую систему управления, без внесения необходимых изменений. 2-я и 3-я вызывались местными условиями: географическими и социально-экономическими особенностями региона, произошедшими в 1885–1894 гг. изменениями военно-стратегической и внешнеполитической ситуации. 4-я – недостатком финансовых средств, в результате которого общероссийские нововведения внедрялись со значительным опозданием. Все проводимые в это время в округе военно-административные преобразования испытывали на стадии проработки и при внедрении сильнейшее влияние бюджетного кризиса. 5-я – типична для всех периферийных территорий империи и с трудом поддавалась решению. Столь выраженный процесс постепенного совершенствования системы военно-окружного управления, для ее адаптации к местным условиям региона и периодически меняющейся обстановке на границе, был одной из ярчайших особенностей Приамурского военного округа, прослеживающейся вплоть до 1911 г.

В четвертом параграфе *«Усиление обороноспособности российского Дальнего Востока: программы, дискуссии, меры»* исследован процесс разработки, согласования и постепенной реализации программы первого Командующего войсками Приамурского военного округа А.Н. Корфа по усилению русских войск на Дальнем Востоке, изложенной в его рапорте военному министру П.С. Ванновскому № 90 от 9 сентября 1885 г.¹⁴⁴. Этот документ лежал в основе всех мероприятий по усилению округа вплоть до окончания в 1895 г. Японо-китайской войны.

Рассчитанная на противодействие только Китаю, урезанная по финансовым соображениям и воплощаемая в течение 6 лет, после 2 лет дискуссий, программа «неотложных» мер от 1885 г. была реализована лишь накануне Японо-китайской войны 1894–1895 гг. С 1887 г. по май 1895 г. в округе число Восточно-Сибирских стрелковых батальонов возросло с 8 до 10, Восточно-Сибирских линейных батальонов – с 6 до 10, а батарей Восточно-Сибирской артиллерийской бригады – с 4 до 6. Списочный состав войск возрос с 10 генералов, 334 штаб- и обер-офицеров, 165 классных чиновников и 11.601

¹⁴⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1–16.

нижнего чина 1 января 1884 г.¹⁴⁵ до 18 генералов, 809 штаб- и обер-офицеров, 241 классных чиновников и 32.885 нижних чинов к 1 января 1895 г.¹⁴⁶, увеличившись за 10 лет существования округа на 7 генералов, 455 штаб- и обер-офицеров и 19.058 нижних чинов. В Японии примерно за то же время были созданы: по немецкому образцу современная армия численностью в 7 дивизий и 4 крепостных артиллерийских полка, всего: 80 батальонов, 20 эскадронов, 40 батарей, 7 инженерных и 7 обозных батальонов и 12 батальонов крепостной артиллерии, в которых числилось в мирное время 4.353 офицера и 59.728 нижних чинов, а в военное – 4.721 и 166.671, соответственно; по британскому образцу – современный военно-морской и торговый флоты¹⁴⁷.

Несоразмерная потенциальным угрозам даже в первоначальном варианте, программа А.Н. Корфа не отвечала требованиям времени, а результаты ее реализации не обеспечивали даже в минимально необходимой степени безопасность региона. Важнейшим шагом по усилению его обороноспособности стало начало строительства в 1891 г. Великой Сибирской железной дороги – стратегической магистрали соединившей центр империи с Дальневосточным ТВД.

В пятом параграфе «Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона» проанализированы проблемы организации военного планирования для Дальневосточного ТВД. В этих вопросах именно Приамурский, а не Иркутский военный округ стал в 1885–1895 гг. правопреемником Восточного Сибирского военного округа. Центром планирования стал Окружной штаб в г. Хабаровка. Прерванная процессом разделения округа и Мервским кризисом, систематическая работа по разработке военных планов возобновилась весной 1885 г. Цель планирования – сохранение дальневосточных территорий в составе Российской империи. Задачи А.Н. Корф сформулировал три: «1. оборона побережья Тихого океана, в случае войны с морскою державою; 2. оборона края, в случае войны с Китаем, и наконец, 3^я, наиболее трудная, задача, это оборона края, в случае одновременной войны с Китаем и какою-либо морскою державою»¹⁴⁸. Под «морской державой» понималась Британская империя. Разработана была только 2-я задача. При недостатке войск, военно-транспортной инфраструктуры и низком уровне развития территории, по мнению А.Н. Корфа, даже в случае значительного усиления войск, «защищать 4000 верстное пограничное пространство» было «возможно только активно-оборонительным способом», т.е. сразу перенеся военные действия на территорию противника (Китая). Дискуссии о выработке предпочтительного операционного направления (Забайкальское, Амурское или Южно-Уссурийское), происходили на «стратегических совещаниях» в Петербурге в 1886 г. План войны с Китаем выработан не был – войск до расчетной цифры в 50 тыс. чел. не хватало, а Япония в стратегических наработках этого периода не фигурировала.

В шестом параграфе «Обучение и боевая подготовка войск Приамурского военного

¹⁴⁵ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 848. Л. 1–2.

¹⁴⁶ Там же. Д. 866. Л. 1а.; Там же. Д. 867. Л. 1а.

¹⁴⁷ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 698. Л. 2–3.

¹⁴⁸ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1048. Л. 1.

округа» дана характеристика процесса трансформации отношения центрального аппарата Военного министерства и командования округа к подготовке личного состава войск. Кульджинский 1879–1881 гг. и Савеловский 1882 г. кризисы, резко повысившие внимание центрального аппарата Военного министерства к Дальнему Востоку, заставили по-иному взглянуть и на «дальневосточные» войска. Необходимость превращения их из инструмента освоения региона в надежную силу, обеспечивающую его безопасность, становилась очевидной. Поэтому А.Н. Корф, а затем и С.М. Духовской стремились максимально освободить войска от несвойственных им занятий и улучшить их казарменное расположение, без чего нормальная организация занятий была невозможна¹⁴⁹. В 1886 г. был налажен годовой цикл занятий, приняты меры к ограничению командировок, вызываемых «особыми условиями края», а также регулированию нарядов от войск на строительные и др. работы. Полностью отказаться от последнего при отсутствии альтернативной рабочей силы было невозможно. В 1887 г. во всех регулярных частях округа сформировали охотничьи команды. С 1888 г. в летний период обучения ввели общие сборы. В 1888 г. А.Н. Корф добился создания в г. Хабаровка Приготовительной Школы Сибирского Кадетского Корпуса – первого военного учебного заведения на территории округа. Уделялось внимание постановке обучения в формируемых частях. Активизировалось обучение саперному делу, начато – военно-телеграфному. В 1891 г. в тактическую подготовку офицеров были введены полевые поездки. С 1894 г. начато обучение войск бегу на лыжах. Однако главные причины, отрицательно влиявшие на успех воинского образования в округе, к весне 1895 г. ликвидировать так и не удалось. К ним добавилось еще отвлечение войск на строительство железной дороги и рост числа эпидемий и эпизоотий. Таким образом, хотя к началу мобилизации 1895 г. войска и были значительно лучше обучены, чем накануне сосредоточения 1885 г., но к столкновению с хорошо обученной, численно превосходящей и закаленной в боях японской армией, они явно не были готовы.

В седьмом параграфе «Японо-китайская война 1894–1895 гг. и мобилизация Приамурского военного округа в 1895 г.» представлен анализ восприятия угроз территории российского Дальнего Востока во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг. в центральном аппарате Военного министерства и Окружном штабе Приамурского военного округа. На начальном этапе войны поражение Китая прогнозировалось лишь несколькими военными экспертами, служившими на Дальнем Востоке. Японская политика, о которой в Главном штабе и МИДе имели смутное представление, как угроза не воспринималась. К августу 1894 г. в Военном министерстве был поднят вопрос о численности, составе и вооружении русских войск в регионе, начато их перевооружение на случай нарушения страной победительницей территориальной целостности Кореи. Прорабатывался вопрос о возможном вводе войск в эту страну. Во 2-й пол. сентября 1894 г. стало очевидно, что

¹⁴⁹ Например, в 1885 г., из строевых частей в различные командировки было отправлено в Амурском казачьем войске до 46% и в Забайкальском казачьем войске (не считая полностью раскомандированного «Карийского батальона») – до 65% всего штатного состава этих частей. РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 849. Л. 27–27 об.

большую опасность для России представляет не Китай, а Япония. К 25 сентября 1894 г. в министерстве завершили подготовку программы усиления войск округа на весну 1895 г. С ноября 1894 г. в Главном и Окружном штабах началась подготовка к столкновению с Японией. Вмешательство России в ход Симоносекских мирных переговоров весной 1895 г. привело к мобилизации войск округа, которая была не только инструментом военного давления на Японию, но и реальной подготовкой к войне. При отсутствии готового плана войны с Японией, в основу плана ввода войск в Маньчжурию были положены наработки по подготовке войны с Китаем. В итоге, в лице вынужденной пойти на уступки Японии, Россия создала себе непримиримого врага на Тихом океане.

В третьей главе **«Русская армия на Дальнем Востоке в 1896–1900 гг. Первый этап подготовки к войне с Японией»**, состоящей из пяти параграфов, исследована подготовка русской армии к войне с Японией, вызванные этим дискуссии по реорганизации «азиатских» военных округов, программы усиления войск, переориентация военного планирования на нового противника, изменение характера обучения войск и мобилизация 1900 г.

В первом параграфе *«Управленческие итоги мобилизации 1895 г. и проблема “переустройства Азиатских военных округов”»* показано, как мобилизация 1895 г. высветила комплекс проблем, связанных с системой военного управления, и как они решались. Одной из них были предельно сокращенные (по финансовым соображениям) штаты практически всех органов управления Приамурского военного округа, из-за чего начавшийся сразу после создания округа в 1884 г. процесс усиления его штатов продолжился и в 1896–1904 гг. Seriously преобразовали систему воинского учета запасных. Осенью 1898 г. провели реформу военно-административного управления Амурского и Уссурийского казачьих войск. В 1899 г. в Сибири провели крупнейшее с 1884 г. преобразование военно-окружной системы – объединение Омского и Иркутского военных округов в единый Сибирский. Получилось громоздко, и с частичным дублированием функций, что проявились уже в мобилизацию 1900 г. В 1899 г., на арендованной в 1898 г. у Китая территории, была создана Квантунская область с центром в Порт-Артуре и оригинальной системой управления. Дискуссия о ее подчинении развивалась в двух плоскостях. С одной стороны, шло активное противоборство «армейских» и «флотских», а с другой, центрального аппарата Военного министерства и командования Приамурского военного округа. В итоге главенствующее положение в области было отдано морякам, с подчинением главного начальника Квантунского полуострова адмирала Е.И. Алексеева военному министру, но при контроле министерств над профильными сферами управления. 15 декабря 1899 г. расположенные на Квантуне войска вывели из состава Приамурского военного округа¹⁵⁰. Ломка системы военного управления регионом началась.

Во втором параграфе *«Усиление обороноспособности в 1896–1899 гг.: дискуссии, планы, меры»* рассмотрена проблема подготовки и реализации программ усиления русских войск. Возможность столкновения с Японией должна была заставить Петербург обратить

¹⁵⁰ РГВИА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 873. Л. 1а.

серьезное внимание на обороноспособность российского Дальнего Востока. В 1896–1899 гг. русская разведка и командование Приамурского военного округа фиксировали форсированное выполнение Японией военной и военно-морской программ. Поскольку реализация программы А.Н. Корфа была завершена, а экстренные меры, принятые в 1895 г., были явно недостаточны, приняли решение о дальнейшем усилении войск. Предложенный Окружным штабом, доработанный в Главном штабе, сокращенный для удешевления и утвержденный Николаем II 30 декабря 1895 г. план мер по усилению положения в военных округах Сибири и Дальнего Востока, был растянут до 1900 г. Это был не комплекс новых мер, а единый свод уже одобренных императором и частично реализуемых разрозненных мероприятий дополненный лишь несколькими новыми мерами. Финансирование шло из средств, отпускаемых сверх предельного бюджета Военного министерства. Главными недостатками плана были: минимализм, длительность (рассчитан на 5 лет) и особенности реализации (исполняли не план целиком, а предусмотренные им меры по отдельности).

За 1896 г. составленный без учета строительства КВЖД план на 1896–1900 гг. перестал соответствовать складывавшейся ситуации. В 1898 г. был занят Порт-Артур, который тоже нужно было защищать. При этом в уже составленном на 1899–1903 гг. (следующее 5-летие) проекте плана усиления войск Приамурского военного округа в 1898 г. ничего менять не стали – размер усиления все равно определялся отпущенным финансированием. Реализацию плана на 1896–1900 гг. продолжили, но приступили к проработке дополнительных мер, что было оправдано, но ставило крест на плане усиления войск округа на 1899–1903 гг. как едином целом. Теперь речь шла уже об упрочении организации обороны российского Дальнего Востока (потенциальный ТВД) и Восточной Сибири (тыл и источник подкреплений) в комплексе, но мероприятия снова свели в 5-летний план – на 1902–1906 гг.

В третьем параграфе «Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона в 1896–1900 гг.» изучен 1-й этап военного планирования против Японии. После мобилизации Приамурского военного округа весной 1895 г. на Дальнем Востоке все военное планирование стали вести против одного противника – Японии, при возможном союзе с Великобританией. Китайская угроза игнорировалась. В 1896–1897 гг. новых планов в Окружном штабе не разрабатывали. На случай войны с Японией на территории Китая и непосредственно в округе такой план был разработан еще перед мобилизацией 1895 г. и существенных коррективов не требовал. Однако, в связи со строительством КВЖД и ЮМЖД, необходимостью включения в систему обороны Квантунского полуострова с Порт-Артуром, которые нужно было не только оборонять, но и выручать подкреплениями из Приамурского военного округа, ко 2-й пол. 1898 г. планы весны 1895 г. уже безнадежно устарели, и пришлось начать разработку новых. Они тоже носили оборонительный характер, совмещая сугубо оборонительную концепцию (действия Южно-Уссурийского корпуса и Николаевского отряда) с существенно переработанной концепцией «активно-оборонительных действий» (операции Маньчжурского корпуса),

предусматривавшей разгром основных сил Японии на территории сопредельного государства – в Маньчжурии. В Главном штабе же в большей степени опасались войны с коалицией держав на два фронта. Итоговый план войны с Японией до начала Китайского похода 1900–1901 гг. разработан не был. Китай в качестве самостоятельного военного противника России ни в одном из документов 1895–1900 гг. не фигурировал.

В четвертом параграфе «Обучение и боевая подготовка войск» исследованы нововведения в подготовке личного состава для противодействия новому противнику – Японии. Успехи японской армии в войне с Китаем в 1894–1895 гг. показали, что при русско-японском конфликте войскам Приамурского военного округа придется иметь дело не с многочисленным и плохо вооруженным противником, каким считалась армия Китая, или хорошо обученным и вооруженным, но сравнительно малочисленным британским десантом, а с полноценной по-европейски обученной армией, численно превосходящей войска округа в несколько раз. Поэтому новации в обучении войск стали почти ежегодными. Контроль за годовым циклом обучения, проверкой знаний в учебных командах и оценкой качества различных видов подготовки был резко усилен. Активизировалась отправка офицеров для рекогносцировок. В программу летних занятий ввели полевые поездки офицеров Генерального Штаба, ставшие ежегодными и проводившиеся вплоть до начала Первой мировой войны. Занятия по практической стрельбе артиллерии с 1896 г. вели на специальном артиллерийском полигоне. В 1897 г. в программу летнего периода обучения ввели третьим обязательным компонентом после частных и общих лагерных сборов «подвижной сбор» – *de facto* маневры, проводимые небольшими силами. Наиболее крупными стали подвижные сборы 1897 и 1899 гг. Кроме существенного прогресса в качестве обучения войск, проведенные маневры позволили выявить большую часть недочетов в боевой подготовке, сыгравших отрицательную роль в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. С 1898 г. в округе активно обсуждался вопрос об обучении военных специалистов восточным языкам, результатом чего стала организация различных премий, курсов, а затем и открытие в 1899 г. Восточного института во Владивостоке. Через год, на базе Хабаровской приготовительной школы Сибирского кадетского корпуса был создан Хабаровский кадетский корпус, что стало важнейшей мерой по снижению текучести офицерских кадров.

В пятом параграфе «Русские войска в 1900 г.: мобилизация, импровизации, выводы» проанализирована проблема организации участия русских войск в Китайском походе 1900–1901 гг. Для подавления Боксерского восстания мобилизовали войска двух (из трех) военных округов, имеющих границу с Китаем – Приамурского (полную) и Сибирского (частичную), а также Квантунской области (частичная) и входящей в состав Туркестанского округа Семиреченской области (частичную). Призывную кампанию провели успешно. Основная сложность возникла с организацией освобождения от призыва многочисленных запасных, занимающих должности по государственной и гражданской службе. Из общего числа в 16.885 чел. запасных, в Приамурском военном округе не были

своевременно отправлены в части лишь 1.319 чел., т.е. менее 8%¹⁵¹. Такой результат был более чем хорошим, т.к. процесс мобилизации проходил в сложнейших условиях непрекращающегося переформирования и усиления войск, когда подавляющее большинство частей и соединений были либо только переформированы или развернуты, либо подлежали переформированию или развертыванию в рамках очередной военной программы. Мероприятия, планировавшиеся на 1901–1902 гг., реализовывали уже во время мобилизации, военной кампании и даже после их завершения. Тем не менее, проведение мобилизации, а затем демобилизации войск округа следует признать успешным. При отсутствии готового плана войны с Китаем, для ввода войск в Маньчжурию были использованы наработки весны 1895 г., рассчитанные на ведение войны с Японией. В целом операция была проведена быстро и успешно, хотя и не так, как предполагалось. Мобилизация 1900 г. имела огромное положительное значение для подготовки округа к Русско-японской войне 1904–1905 гг. – уточнение и корректировка показателей, заложенных в мобилизационное росписание и мобилизационные планы. Командующий войсками округа Н.И. Гродеков понимал, что успех Китайского похода 1900–1901 гг. был следствием не только чрезвычайного напряжения сил округа, но и слабости противника, и что воевать так с Японией уже не получится. Численность и силу группировки войск нужно было срочно увеличивать.

В четвертой главе «Русская армия на Дальнем Востоке в 1901–1904 гг. Второй этап подготовки к войне с Японией» состоящей из пяти параграфов, рассмотрена подготовка русской армии к Русско-японской войне после Китайского похода 1900–1901 гг., проблемы взаимодействия в новых условиях элементов системы военного управления, специфика обучения войск и организации военного планирования, а также непосредственная подготовка к войне.

Первый параграф «Создание Дальневосточного Наместничества: проблемы управляемости и координации» посвящен анализу военной составляющей процесса его создания и функционирования. Появление независимого от Хабаровска командования на Квантуне поставило вопрос о координации действий, т.к. держаться самостоятельно без помощи Приамурского военного округа Порт-Артур не мог, а руководить из Хабаровска отправленными туда войсками было невозможно. Во время Китайского похода 1900–1901 гг. стало очевидно, что на Дальнем Востоке требуется единовластие – координировать действия Хабаровска и Порт-Артура из Петербурга было затруднительно. Поэтому 30 июля 1903 г. было создано Дальневосточное Наместничество с центром в Порт-Артуре, которому подчинили и Приамурский военный округ. Большинство военных органов Наместничества были временными, сформированными по сокращенным штатам. Разработать и утвердить постоянные уже не успели. Не был детально разработан и проект создания Квантунского военного округа. Система была не только не отлажена, но и не сформирована до конца, а значит в принципе не могла работать эффективно. Задач было поставлено множество, но необходимых для их решения специалистов не хватало.

¹⁵¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 3. Д. 101. Л. 7 об.–8.

Большинство новых органов военного управления в той или иной степени выпадали из существовавшего в империи правового поля и военно-бюрократической традиции. Рамки и правила их взаимодействия со «старой» частью системы, уже существовавшей к 1898 г. не были четко определены и до конца понятны участникам процесса, что усугублялось личными конфликтами; Е.И. Алексеев получил огромные права, но не возможности для их реализации. В январе Временный военный штаб Наместника уже физически не справлялся с имевшимся объемом работы, причем сам Е.И. Алексеев, и начальник этого органа В.Е. Флуг фактически признали, что внесенные в систему военного управления на Дальнем Востоке за 1898–1903 гг. изменения привели к ее полной разбалансировке, работе в режиме постоянной перегрузки и с трудом управляемого хаоса. Наладить работу до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. времени уже не было.

Во втором параграфе «Усиление обороноспособности в 1901–ноябре 1903 гг.: стратегические просчеты и тактические ошибки» рассмотрена проблема непропорциональности усиления русских войск в регионе потенциальным угрозам. В период между окончанием Китайского похода 1900–1901 гг. и началом Русско-японской войны 1904–1905 гг. этот процесс проходил в сложнейших внешне- и внутривойсковых условиях. Из-за войны в Китае три плана усиления войск слились в единое целое, поскольку в 1900 г. начали реализовывать даже то, что по последнему плану было отнесено на 1902 г. До начала мобилизации успели провести лишь часть запланированных на 1900 г. мероприятий. Остальные, в т.ч. и планировавшиеся на 1901–1902 гг. реализовывали уже во время мобилизации, военной кампании и демобилизации. Дискуссии командования Приамурского военного округа с Военным министерством, начавшиеся еще в середине 90-х гг. XIX в., усилились; начались – между командованием Квантунской области, впоследствии Дальневосточным Наместничеством, Военным министерством и командованием округа, а также всех трех – с группой А.М. Безобразова. Неопределенность внешнеполитической линии не давала военным возможности прийти к какому-либо решению и проводить его в жизнь, как это делали в Японии.

Попытка решить вопрос на Порт-Артурских совещаниях 18–28 июня провалилась – А.Н. Куропаткин блокировал реализацию согласованных на них мер. Даже в первые дни декабря, несмотря на поступавшие данные разведки, он еще не верил в скорую войну с Японией. Экстренные меры по усилению Наместничества были несоразмерны имевшейся угрозе и катастрофически запаздывали по сравнению с темпами подготовки к войне Японии. При работе над общим планом мероприятий по Военному министерству на 1904–1908 гг. А.Н. Куропаткин настаивал на первостепенной важности наращивания сил на Европейском ТВД, в ущерб безопасности дальневосточной периферии. Это и было закреплено в плане, где из 130 млн, отпущенных военному ведомству в виде прибавки к предельному бюджету¹⁵², лишь 7 млн предназначались на Дальневосточный ТВД¹⁵³. Даже крепость Порт-Артур предполагалось достроить лишь к 1909 г. Предельный бюджет

¹⁵² Запись 22 марта 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 17... // КА. 1922. Т. 2. С. 38–39.

¹⁵³ Запись 3 декабря 1903 г. Дневник А.Н. Куропаткина. [Тетрадь] № 19 // Там же. С. 90–91.

Военного министерства тоже был вычищен от всех мер по усилению Дальнего Востока¹⁵⁴. При этом в Японии реализация военной и военно-морской программ была к декабрю 1903 г. практически завершена.

В третьем параграфе «Обучение и боевая подготовка войск» изучена неординарная ситуация с обучением и подготовкой войск, сложившаяся к концу Китайского похода 1900–1901 гг. и сохранявшаяся вплоть до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. Налаженная к 1899 г. единая система обучения войск Приамурского военного округа прекратила существование в связи с оставлением значительной части войск в Маньчжурии, переброской некоторых из них на Квантун и резкой активизацией казарменного строительства. Общих сборов для войск в Маньчжурии и на Квантуне не проводилось. Качество прохождения годового курса занятий и обучения молодых солдат напрямую зависели от талантов и опыта командного и офицерского состава конкретной части. Зато эти войска в течение нескольких лет получали бесценный опыт службы и ведения боевых действий в азиатской стране с азиатским противником. Благодаря открытию временного движения по КВЖД, по которой в округ и стала поступать большая часть новобранцев, в войсках, оставшихся на территории округа, в 1902 г. стандартный годовой цикл обучения впервые сумели уложить в отведенные законом сроки. Пришлось вернуться и к отработке действий большими массами войск, с привлечением всех трех родов оружия. Наиболее крупные до начала войны с Японией маневры состоялись в конце лета 1903 г. на Квантунском полуострове – первые в истории маневры, когда русская армия и флот отрабатывали на Дальнем Востоке совместные действия. Несмотря на ощутимую пользу для войск, их практическое значение для реальной организации обороны Квантуна было невелико, т.к. при их подготовке опыт действий японской армии в Японо-китайскую войну 1894–1895 гг. учтен не был. В целом же, благодаря боевому опыту Китайского похода 1900–1901 гг. и операций по уничтожению банд хунхузов в 1902–1903 гг., войска Приамурского военного округа и Квантунской области, а затем и Дальневосточного Наместничества оказались гораздо лучше подготовлены к войне на Дальневосточном ТВД, чем войска Европейской России.

В четвертом параграфе «Мобилизационная готовность: планы и возможности обороны региона в 1901–1904 гг.» исследован 2-й этап военного планирования против Японии. К окончанию Китайского похода 1900–1901 гг. в России не было ни одного готового плана ведения войны на Дальневосточном ТВД. Их предстояло разработать в кратчайшие сроки, приняв во внимание опыт прошедшей кампании и постоянные изменения обстановки. Остро встал и вопрос координации действий командования округа, Квантунской области и центрального аппарата Военного министерства. Разработку планов начали вести сразу в двух центрах – штабах Приамурского военного округа и Квантунской области (затем – Временном военном штабе Наместника). Полученные результаты корректировались лично А.Н. Куропаткиным, и все это – при практически нулевой роли Главного штаба. В качестве противников рассматривались Япония и ее возможные

¹⁵⁴ РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 2945. Л. 91–91 об.

союзники (Китай, Британская империя); допускалась возможность рецидива восстания в одном Китае. Отрицательное влияние на процесс военного планирования оказал низкий уровень компетентности сотрудников центрального аппарата Военного министерства и лично А.Н. Куропаткина в делах Японии и Дальнего Востока в целом. Последним планом кампании, подготовленным на Дальнем Востоке до начала Русско-японской войны 1904–1905 гг. стал разработанный во Временном штабе Наместника к 5 ноября 1903 г. «План стратегического развертывания войск Дальнего Востока в случае столкновения с Японией», – по сути «общие основания», требовавшие дальнейшей разработки в военно-окружных управлениях Приамурского военного округа и Квантунской области. 3 февраля 1904 г., уже после начала войны, А.Н. Куропаткин доложил Николаю II свой авторский план, оптимистично завершавшийся «овладением столицами и особою императора»¹⁵⁵. В результате Николай II немедленно назначил его командующим Маньчжурской армией.

В военном планировании имел место целый комплекс существенных упущений, что привело к ошибкам в подготовленных документах и серьезным стратегическим и тактическим просчетам. Таким образом, накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг. не имелось ни итогового плана сосредоточения войск и ведения войны, ни готового мобилизационного росписания, завершить работы над которыми вовремя не представилось возможным в силу постоянных изменений в составе, дислокации и системе подчинения русских войск. Последние, наряду с импровизациями Е.И. Алексеева и А.Н. Куропаткина, помешали на начальном этапе войны использовать в полной мере даже то, что действительно было завершено – боевые росписания.

В пятом параграфе «Провал непосредственной подготовки к войне с Японией» проанализированы допущенные в конце 1903–начале 1904 г. ошибки. Получение новых тревожных данных разведки (донесения К.Н. Десиного) и депеша Е.И. Алексеева от 13 декабря 1903 г.¹⁵⁶, привели к совещанию 15 декабря под председательством Николая II, на котором было решено продолжить переговоры с Японией. Однако отношение А.Н. Куропаткина к ситуации резко изменилось. Решения Военного министерства теперь принимались в экстренном порядке, который, однако, уже не позволял наверстать безнадежное отставание в подготовке к войне. Было решено не только активизировать выполнение решений Порт-Артурских совещаний, но и принять ряд экстренных мер – утверждены императором 20 декабря. 30 декабря 1903 г. состоялось совещание по вопросам подготовки войны на Дальнем Востоке¹⁵⁷, а 3 января 1904 г. военный министр доложил Николаю II указания, которые предполагал отдать начальнику Главного штаба. Непосредственная подготовка к войне с Японией началась.

Дальнейшие попытки А.Н. Куропаткина провести в несколько месяцев большее усиление войск Дальнего Востока, чем за предыдущие несколько лет поставила ребром вопросы логистики, решить которые за месяц было невозможно. Личный состав и

¹⁵⁵ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1085. Л. 1–5 об.

¹⁵⁶ РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 919. Л. 15–16 об.

¹⁵⁷ РГВИА. Ф. 400. Оп. 4. Д. 500. Л. 256–262 об.

имущество частей предстояло отправить на Дальний Восток по единственной и уже перегруженной Сибирской железной дороге, а далее – по КВЖД и ЮМЖД, не работавшим на полную мощность. Возможность начала войны до прихода в Харбин последнего эшелона не учитывалась. Пока железная дорога была загружена этими перевозками, подвоз в Приамурский военный округ запасных из Сибири, на что рассчитывались все мобилизационные планы, был невозможен, а без них – нормальная мобилизация войск Наместничества. В итоге был сделан вывод о возможности задержать сосредоточение войск даже на месяц, лишь бы дождаться прибытия запасных, и рекомендовано ускорить перевозку подкреплений и запасных, завершив ее к 20 февраля. Это решение отдавало инициативу действий на ТВД Японии.

Начатая лишь с декабря 1903 г. непосредственная подготовка к войне с Японией продолжалась вплоть до ее начала. Однако время было безнадежно упущено. «Пожарные» меры лишь усиливали путаницу, умножая количество войск на бумаге, но не боевых единиц в действительности, путая незаконченные и содержавшие серьезные просчеты мобилизационные планы, организацию снабжения, внося хаос в транспортные перевозки по Сибирской железной дороге, КВЖД и ЮМЖД. Русские войска на Дальнем Востоке вступили в войну с Японией в стадии усиления, переформирования, доукомплектования и перевооружения. При формировании новых войск Военным министерством было сделано все, чтобы максимально сохранить боеспособность военных частей и соединений Европейской России, а значит снизить – формируемых частей. Вместо целых спаянных корпусов, дивизий, бригад или полков, на Дальний Восток посылались целые, спаянные роты (батальоны – крайне редко), что фактически сводило на нет военный потенциал большинства частей и соединений 1902–1903 гг. годов формирования, т.к. увеличивали количество единиц структурных, но не боевых.

В заключении исследования сделаны следующие основные выводы:

Анализ сохранившейся источниковой базы позволяет однозначно утверждать, что в 1865–1904 гг. военное управление было системообразующим элементом сложившегося механизма управления дальневосточными территориями, а процесс постепенного разделения военной и гражданской ветвей имперского управления на российском Дальнем Востоке шел постепенно на протяжении всей 2-й пол. XIX–начала XX в. Сложившаяся при Н.Н. Муравьеве-Амурском система, при которой высшие функции военного и гражданского управления сосредотачивались в руках одного лица, была успешно закреплена в результате проведенной в 1865 г. в Восточной Сибири военно-окружной реформы, нормативно-правовая база которой была адаптирована к местным условиям. В новой системе должности Командующего войсками Восточного Сибирского военного округа и генерал-губернатора Восточной Сибири занимал один человек, что в условиях окраинной территории обеспечивало высокий уровень координации различных ведомств на местах и лучшее качество управления, в т.ч. в военной сфере. Важную роль играла необходимость объединения руководства войсками и системой военного управления Дальневосточным ТВД в руках одного лица как в мирное, так и в военное время.

В 1884 г., при разделении Восточного Сибирского военного округа и создании Приамурского военного округа и генерал-губернаторства, для дальневосточных территорий империи подобная практика была сохранена. Однако последовавшая в 1898 г. попытка включения в состав устоявшейся и неплохо себя зарекомендовавшей за 14 лет системы управления регионом арендованных территорий, и начало проработки создания еще одного военного округа привели к разбалансировке системы. В результате непродуманных и неудачных политических решений единство военного управления на Дальневосточном ТВД было потеряно, а попытка воссоздать его вылилась в появление в 1903 г. в экстренном порядке Дальневосточного Наместничества, которое лишь ухудшило ситуацию. При его создании была повторена одна из ключевых ошибок предыдущих лет – все органы военного управления создавались по временным, максимально сокращенным штатам, т.е. заведомо не могли в полной мере решать поставленные перед ними задачи. Не были решены кадровая и архивная проблемы, а придание Наместнику еще и функций по управлению флотом на Тихом океане, привело к перегрузке Наместника и его аппарата. Поставленные перед Е.И. Алексеевым задачи по координации действий армии и флота не были решены, в то время как существенная разбалансировка системы управления привела к частичной потере управляемости и снижению обороноспособности региона накануне войны с Японией, что признавали и сам Е.И. Алексеев и В.Е. Флуг. Параллельно продолжалась так и не завершенная разработка вопроса о создании Маньчжурского, а затем – Квантунского военных округов.

Введение в научный оборот точных данных численности русских войск в 1865–1904 гг., выявление и анализ всех военных программ и отдельных мер по повышению обороноспособности дальневосточных территорий империи, дало возможность констатировать догоняющий, по сравнению с потенциальными противниками, характер усиления русских войск и создания военной инфраструктуры. Слабость экономики и финансовой системы империи делали невозможной полномасштабную подготовку к войне сразу на нескольких ТВД. Поэтому из культурно-цивилизационных соображений предпочтение отдавалось Европейскому, Кавказскому и Туркестанскому ТВД. Подготовка Дальневосточного ТВД обеспечивалась по остаточному принципу. Все программы усиления войск в регионе включали лишь критический минимум от необходимого, предполагали длительный срок реализации и периодически сокращались. Ни одна из этих программ не была ориентирована на экспансию и не предусматривала опережающих, по сравнению с вероятными противниками, темпов милитаризации региона. Подобная политика привела к серьезному отставанию развития оборонительного потенциала российского Дальнего Востока от наступательного потенциала вероятных противников, которое оказалось невозможно ликвидировать ни экстренно во время Японо-китайской войны 1894–1895 гг., ни планово накануне Русско-японской войны 1904–1905 гг.

Дальневосточный ТВД резко отличался по своим условиям от Европейского, Кавказского и Туркестанского. Его своеобразие требовало специфического характера обучения войск и их подготовки к ведению войны. Впервые в регионе столкнулись с этим

во время Маньчжурской войны 1894 г. К 1880 г. проблема была осознана, однако уровень выучки и боевой подготовки русских войск на Дальнем Востоке в 1865–1894 гг. стабильно уступал аналогичным показателям для Европейской России, поскольку войска использовали в первую очередь как движущую силу хозяйственного освоения региона, а не инструмент его защиты. Это делало невозможным полноценное и систематическое обучение войск. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. войска освободили от решения хозяйственных задач, а в обучении начали ориентироваться не только на уставы, но и на местный опыт, в том числе по борьбе войск с хунхузами. Активно внедрялся и опыт, полученный в Китайском походе 1900–1901 гг. У частей и соединений дислоцировавшихся за пределами Дальнего Востока, такого опыта и подготовки не было. Это во многом обусловило более низкий уровень эффективности их использования во время Русско-японской войны 1904–1905 гг., по сравнению с войсками Дальневосточного Наместничества.

Изучение документов русского военного планирования для Дальневосточного ТВД позволило установить, что причиной постоянных ошибок в оценке потенциальных угроз и в военном планировании был общий недостаток в 1865–1904 гг. знаний о регионе на всех уровнях власти и отсутствие необходимых сведений о потенциальных противниках России. Предполагаемый ТВД (Маньчжурия, Корея и российский Дальний Восток) был изучен слабо, знаний о политических процессах в Китае, Корее и Японии было недостаточно, а работа по сбору сведений отставала от насущной необходимости. В этой связи все документы по военному планированию содержали большое количество допущений и откровенных ошибок в тех случаях, когда речь шла о силах, возможностях, планах и самих потенциальных противниках. Ситуацию усугубляли постоянные изменения во внешней политике России, структуре и численности войск, т.е. в исходных посылах военного планирования.

В 1865–1894 гг. основными противниками России в регионе считались Британская империя и Китай, однако весной 1895 г., в связи с победой Японии в Японо-китайской войне, Приамурский военный округ пришлось аврально готовить к войне с Японией, которая до этого времени в аналитических и мобилизационных документах даже не упоминалась. После 1895 г. наиболее вероятным противником была признана уже Япония, к войне с которой и начали готовиться, полностью свернув планирование операций против Китая. В результате ввод русских войск в Маньчжурию в рамках Китайского похода 1900–1901 гг. пришлось осуществлять при полном отсутствии планов войны с Китаем, используя для этого элементы плана противодействия японской армии в Маньчжурии, разработанного весной 1895 г. Только после 1901 г. военное планирование стали вести ориентируясь на все потенциальные угрозы. Однако нехватка точных данных о противнике, игнорирование опыта Японо-китайской войны 1894–1895 гг. и множественность центров военного планирования существенно снижали качество подготовленных документов. Ошибки, допущенные при организации военного планирования и при подготовке планов кампании, до начала Русско-японской войны 1904–

1905 гг. исправлены не были, став одной из причин замедления всех работ, и отсутствия итоговых планов войны.

В ходе исследования доказано полное отсутствие в 1865–1904 гг. планов, рассчитанных на начало войны со стороны России и направленных на противоборство с государствами Дальнего Востока в целях отторжения от них каких-либо территорий для последующего присоединения к Российской империи. Установлено, что подобный сценарий не только не рассматривался ни в одном из планов, но даже не обсуждался ни на одном из совещаний по военной политике в регионе. Все планы, разработанные в Окружных штабах Восточного Сибирского и Приамурского военных округов, Дальневосточного Наместничества и в Главном штабе для Дальневосточного ТВД, носили сугубо оборонительный характер, предусматривая комплекс мер военного реагирования на случай объявления войны России со стороны одного или нескольких иностранных государств (Британская империя, Китай, Япония). В этом внешняя политика России в регионе в 1898–1904 гг. входила в противоречие с проводимой на всех уровнях работой по военному планированию. Таким образом, сформулированный британскими русофобами во 2-й пол. XIX в. тезис о наличии у России в этот период *планов* военной экспансии на Дальнем Востоке представляется несостоятельным.

Исправлять большинство допущенных в 1894–1904 гг. в обеспечении безопасности российского Дальнего Востока ошибок пришлось уже в 1906–1914 гг., накануне Первой мировой войны. Исследование именно этого периода является наиболее перспективным для дальнейшей разработки темы, поскольку позволит выявить, в какой степени был учтен опыт Русско-японской войны 1904–1905 гг. при последующем преобразовании военного управления, совершенствовании обучения войск и организации военного планирования для Дальневосточного ТВД.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в журналах, рекомендуемых ВАК РФ для публикации результатов научных исследований:

1. Авилов Р.С. Создание Приамурского военного округа: внешнеполитический фактор (1882–1887 гг.) / Р.С. Авилов // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2011. – № 3 (15). – С. 48–52. (0,6 п.л.)
2. Авилов Р.С. Реализация военно-окружной реформы 1862–1865 годов в Восточной Сибири и на российском Дальнем Востоке: создание Восточного Сибирского военного округа / Р.С. Авилов // Вестник ЧелГУ. – 2012. – Вып. 51. – № 16. – С. 18–25. (0,5 п.л.)
3. Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850–1918 гг.) // European Social Science Journal. 2013. № 2. С. 310–318.
4. Авилов Р.С. Восточный Сибирский военный округ (1864–1884 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2013. – № 12. – С. 3–9. (1 п.л.)
5. Авилов Р.С. Сибирский военный округ (1899–1906 гг.): страницы истории / Р.С.

Авилов // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 7. – С. 15–21. (1 п.л.)

6. Авилов Р.С. Иркутский военный округ (1884–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2014. – № 12. – С. 26–32. (1 п.л.)

7. Авилов Р.С. Западный Сибирский военный округ (1865–1882 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 4. – С. 3–10. (1 п.л.)

8. Авилов Р.С. Омский военный округ (1882–1899, 1906–1918 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 8. – С. 3–10. (1 п.л.)

9. Авилов Р.С. Приамурский военный округ (1884–1918 гг.): страницы истории / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2015. – № 11. – С. 3–10. (1 п.л.)

10. Авилов Р.С. По следам старой фотографии: семья Надаровых / Г.П. Турмов, В.И. Калинин, Н.Б. Аюшин, Р.С. Авилов // Россия и АТР. 2015. № 1. С. 94–126. (2 п.л./0,5 п.л.)

11. Авилов Р.С. «Поверочная мобилизация» войск Приамурского военного округа в 1896 г. как способ оценки мобилизационной готовности военных частей / Р.С. Авилов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – № 1. – С. 159–168. (0,6 п.л.)

12. Авилов Р.С. Развитие военно-сухопутных сил России на Дальнем Востоке в 60–70 гг. XIX в.: внешнеполитический фактор / Р.С. Авилов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2017. – № 4. – С. 68–84. (1,1 п.л.)

13. Авилов Р.С. Владивостокская крепость – форпост Российской империи на Дальнем Востоке (1860–1923 гг.) / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 1. – С. 20–27. (1 п.л.)

14. Авилов Р.С. Приамурский военный округ: военно-административные преобразования накануне Первой мировой войны (1906–1914 гг.) / Р.С. Авилов // Россия и АТР. – 2018. – № 1. – С. 173–186. (1 п.л.)

15. Авилов Р.С. Поездка военного министра А.Н. Куропаткина в Сибирский военный округ в 1899 г. / Р.С. Авилов // Северные архивы и экспедиции. – 2018. – Т. 2. – № 3. – С. 7–20. (1 п.л.)

16. Авилов Р.С. «Ближайшим поводом к столкновению нашему с Японией может послужить именно Корейский вопрос...» Записка генерал-лейтенанта Н.И. Гродекова о мобилизационной готовности Приамурского военного округа. 1900 г. / Р.С. Авилов // Исторический архив. – 2018. – № 4. – С. 159–183. (1 п.л.)

17. Авилов Р.С. Порт-Артур: страницы истории русской крепости (1898–1905 гг.) / Р.С. Авилов // Военно-исторический журнал. – 2019. – № 1. – С. 20–28. (1 п.л.)

18. Авилов Р.С. Организация крепостной обороны низовьев и устья реки Амура накануне Русско-японской войны (1895–1904 гг.) / Р.С. Авилов // Россия и АТР. – 2019. – № 2. – С. 61–74. (1 п.л.)

19. Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 1. Иркутская приготовительная школа Сибирского кадетского корпуса (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 182–193. (1 п.л.)

20. Авилов Р.С. Военно-учебные заведения Забайкалья в 1899 г. Часть 2. Иркутское

юнкерское училище (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 2. – С. 112–126. (1 п.л.)

21. Авилов Р.С. Братья по несчастью: Иркутская и Красноярская казачьи сотни в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 3. – С. 146–159. (1 п.л.)

22. Авилов Р.С. Военно-врачебные заведения Иркутской губернии в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2021. – Т. 17. – № 4. – С. 168–178. (1 п.л.)

23. Авилов Р.С. Военный министр А.Н. Куропаткин во Владивостокской крепости в 1903 г (по новым источникам) / Р.С. Авилов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2021. – № 2. – С. 16–28. (1 п.л.)

24. Авилов Р.С. «Иркутскую же роту следует комплектовать исключительно из войск Приамурского военного округа...» Иркутская дисциплинарная рота в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2022. – Т. 18. – № 1. – С. 161–172. (1 п.л.)

25. Авилов Р.С. Артиллерийские склады Сибирского военного округа в 1899 г. (по материалам поездки А.Н. Куропаткина) / Р.С. Авилов // Известия Лаборатории древних технологий. – 2022. – Т. 18. – № 2. – С. 75–85. (1 п.л.)

Статьи в журналах, входящих в международные базы цитирования WoS и Scopus:

26. Авилов Р.С. Численность войск Приамурского и Варшавского военных округов накануне Русско-японской войны: опыт сравнительного анализа / Р.С. Авилов // Новый исторический вестник. – 2017. – № 1. – С. 40–50. (0,7 п.л.)

27. Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 1. После Японо-китайской войны 1894–1895 гг. / Р.С. Авилов // Вестник Томского государственного университета. – 2018. – № 434. – С. 94–107. (1,5 п.л.)

28. Авилов Р.С. Проблема разработки планов обороны российского Дальнего Востока в 1896–1900 гг. Ч. 2. Канун Китайского похода 1901–1903 гг. / Р.С. Авилов // Вестник Томского государственного университета. – 2019. – № 441. – С. 128–141. (1,5 п.л.)

29. Авилов Р.С. Поездка помощника начальника Генерального штаба японской армии Каваками Сороку в Приамурский военный округ (1897 г.) / Р.С. Авилов // Вестник РУДН. Серия: История России. – 2020. – Т. 19. – № 4. – С. 934–951. (1,2 п.л.)

30. Авилов Р.С. «Какой вздор!»: военный министр А.Н. Куропаткин о трудах японских националистов / Р.С. Авилов // Новейшая история России. – 2020. – Т. 10. – № 4. – С. 875–891. (1,2 п.л.)

31. Авилов Р.С. Опыт работы русской финансовой разведки в Японии (по материалам поездки Л.В. фон Гойера в 1909 г.) / Р.С. Авилов // Японские исследования. – 2021. – № 1. – С. 25–48.

32. Авилов Р.С. Город Дальний глазами русского военного министра Алексея

Монографии:

33. Авилов Р.С. *«Для охраны границ Южно-Уссурийского края сформировать...»* История создания и службы регулярной кавалерии на Дальнем Востоке России (1869–1914 гг.) / Р.С. Авилов. – Владивосток: Дальнаука, 2011. – 181 с. (14,65 п.л.)

34. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. I. «Назло надменному соседу». 1860–1905 гг. / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2013. – 383 с. (51,5 п.л.; вклад Р.С. Авилова: 23,5 п.л.)

35. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. II. Уроки Порт-Артура. 1906–1917 гг. / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2014. – 408 с. (54 п.л.; вклад Р.С. Авилова: 28,5 п.л.)

36. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. IV. Инженеры Владивостокской крепости: счастливые люди / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2015. – 378 с. (47 п.л.; вклад Р.С. Авилова: 12,7 п.л.)

37. Авилов Р.С., Аюшин Н.Б., Калинин В.И. Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. III. «Крепость трех измерений» / Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: Дальнаука, 2016. – 517 с. (65 п.л.; вклад Р.С. Авилова: 28 п.л.)

Публикации исторических источников:

38. Будберг А.П., барон. Сибирские воспоминания / Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин, В.И. Калинин. – Владивосток: ОИАК–ПКО РГО, 2017. – 434 с. (52 п.л.)

39. Унтербергер П.П. Между двух стульев. Наблюдения, мысли и воспоминания Петра Унтербергера. Ч. 1. «Детство, отрочество, юность» / Пер. с нем. Л.Е. Корнилова; Ред.-сост., комментарий Р.С. Авилов, В.И. Калинин; вступ. ст. В.И. Калинин, Р.С. Авилов, Н.Б. Аюшин. – Владивосток: ОИАК–ПКО РГО, 2021. – 396 с. (46 п.л.)

Другие публикации:

40. Авилов Р.С. Роль регулярных войск в занятии территории Приамурья и Приморья (50-е гг. XIX в. – 1884 г.) / Р.С. Авилов // Известия РГИА ДВ. – Том X. – Владивосток: 2007. – С. 196–208. (0,7 п.л.)

41. Авилов Р.С. Точка на карте: из военной истории урочища Анучино / Р.С. Авилов // Из истории заселения Анучинского района: документы и материалы. – Владивосток: РГИА ДВ, 2009. – С. 16–34. (1 п.л.)

Авилов Роман Сергеевич

**РУССКАЯ АРМИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
В ВОЕННОЙ ПОЛИТИКЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (1865–1904 ГГ.)**

Специальность 5.6.1. – Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук